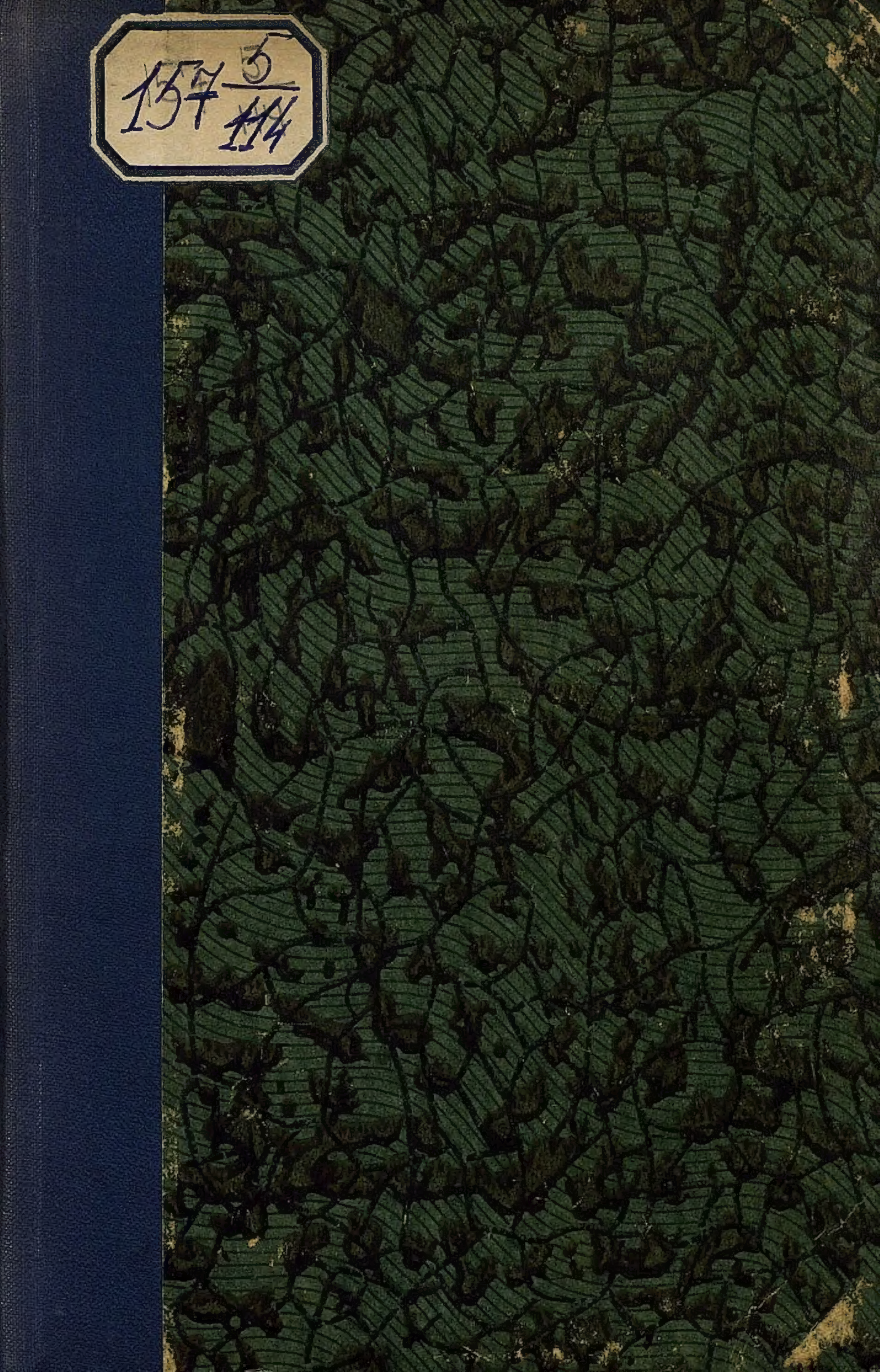

157 5/114

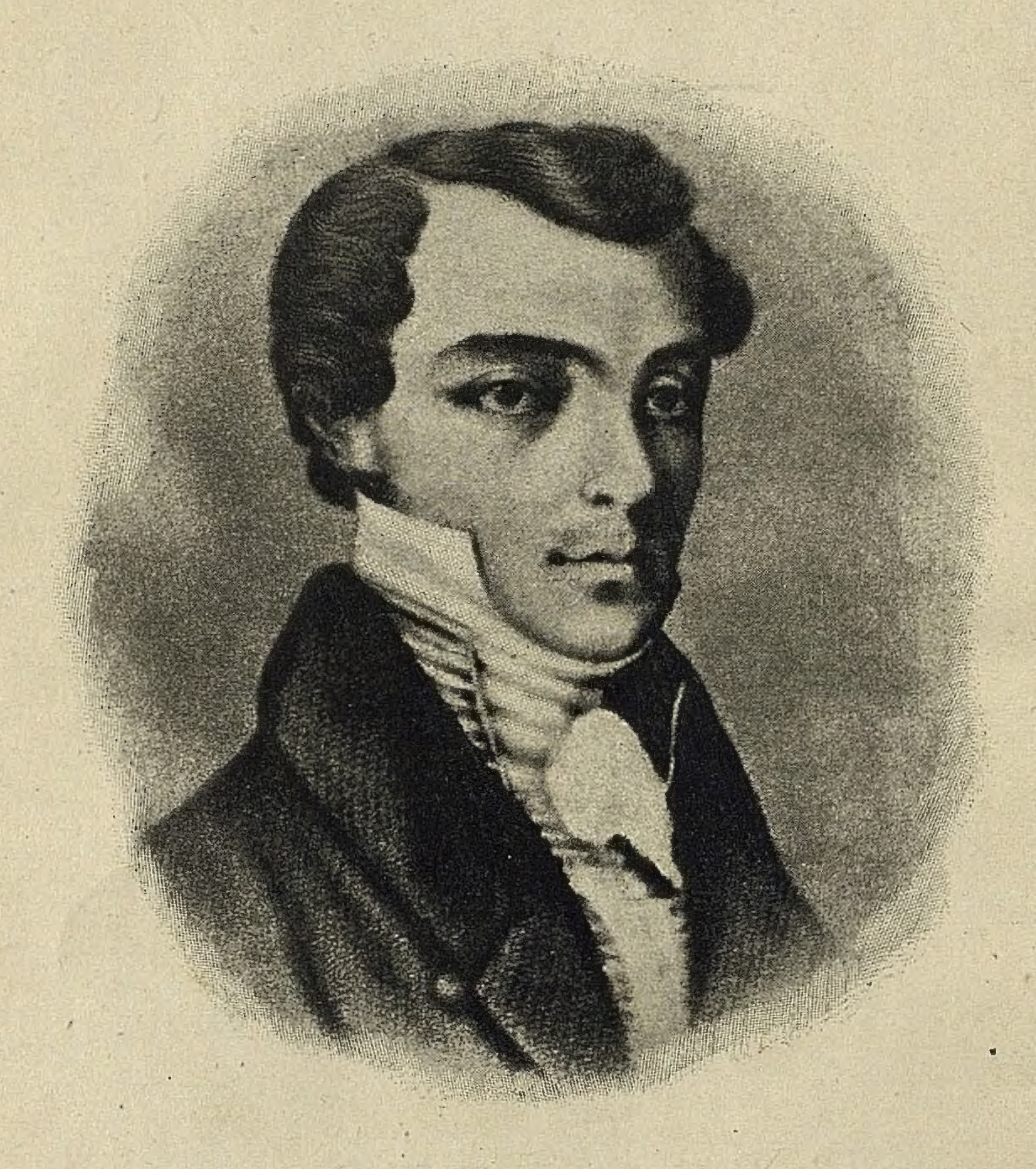
БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

М. КЛЕВЕНСКИЙ

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Государственное издательство

К. Ф. Рылеев
(1795—1826)

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

М. КЛЕВЕНСКИЙ

К. Ф. РЫЛЕЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

М

Гиз № 9632. Главлит № 37740. Напеч 5.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Детство и годы ученья

Кондратий Федорович Рылеев, подобно многим другим декабристам, происходил из средней дворянской семьи. Род Рылеевых — не очень старый: из поколенной росписи видно, что Кондратий Федорович — всего пятый представитель рода, считая от предполагаемого родоначальника. Отец Рылеева, Федор Андреевич, был военным служакой Екатерининской поры и дослужился до подполковника. Мать Рылеева, Настасья Матвеевна, происходила из семьи Эссен. Отец Рылеева был очень небогат. Выйдя в отставку, он не имел возможности существовать доходами с имения и взялся быть управляющим имений кн. Голицыной, для чего переехал в Киев.

Кондратий Федорович родился 18 сентября 1795 г. Он был первым ребенком у своих родителей (или, по крайней мере, первым выжившим). После Кондратия детей не было. У отца была побочная дочь Анна, старше Кондратия, тоже жившая в семье.

Детство Рылеева прошло в родовом имении отца, деревне Батове, Петербургского уезда [1]). Детство его было нерадостное. Отец Рылеева был человек крутой, до жестокости суровый как с крепостными, так и со своей семьей. «Правда твоя,—писала позже мать сыну,—что я не была счастлива; отец твой не умел устроить твое и мое спокойствие; что делать, богу так угодно». Матери Рылеева, женщине «добродетельной и весьма умной», по свидетельству знавших ее, приходилось много терпеть от мужа. В качестве семейного воспоминания, в Батове долго показывали погреб, куда разгневанный Федор Андреевич иногда сажал в наказание свою жену.

---

[1]) Автор считает правильным в историческом очерке употреблять старое название Ленинграда.

Личность Рылеева-отца по сохранившимся его письмам производит весьма отталкивающее впечатление. Так писать к жене и сыну мог только очень сухой, недобрый и язвительный человек. В ответ на просьбы сына-кадета о присылке денег, он отвечает полным отказом и упреками сыну, что «сердце его занято одними деньгами». Рекомендуя ему приехать домой на деньги, отпускаемые казной, он пишет: «На что же и существуют щедроты общего нашего отца, как не затем, чтобы ими пользоваться». И всё прочее в таком же тоне иудушкиных многоглаголивых наставлений. Наоборот, немногие дошедшие до нас письма матери Рылеева показывают в ней разумного и мягкого человека.

Рылеев был мальчиком очень живым, бойким и шаловливым. Ему приходилось выдерживать от отца жестокие наказания за шалости, но это не смирило его. Известное упорство характера, проявленное им уже в детстве, он сохранил навсегда. Мать своей лаской старалась внести некоторую отраду в жизнь мальчика.

В январе 1801 года Рылеев был отдан в 1-й кадетский корпус в Петербурге. Он был еще так мал, что его сначала зачислили «волонтером», и уже месяца через 2 приняли в малолетнее отделение [1]). Его сводную сестру Анну отдали в один из петербургских пансионов, мать жила то в деревне, то в Петербурге, а отец уехал в Киев, и сын иногда года по 3 не получал от него писем и не знал даже, где именно тот находится. Не баловал Рылеев-отец письмами и жену. Это характерно для их семейных отношений.

Директором 1-го кадетского корпуса при Рылееве был Максимилиан фон-Клингер, очень известный немецкий писатель, друг Гёте, переехавший в Россию и ставший здесь генерал-майором. Клингер усиленно занимался своими литературными работами, а кадетов иногда не видал в лицо по целым месяцам и был гораздо внимательнее и добрее к своим комнатным собакам, чем ко вверенным ему детям и юношам. Общий режим в корпусе при Клингере установился самый каторжный. Наказание розгами применялось в совершенно невероятных размерах, каждое утро стены заведения оглашались плачем и криками истязуемых. За самые невинные детские шалости полагалось 30—50 розог, за более важные

---

[1]) Как ни удивителен ранний возраст, в котором отдали Рылеева в школу, однако приходится принять 1801 год на основании документа, упоминаемого в книге Маслова о Рылееве.

проступки число ударов удвоивалось и утроивалось. Жизнь в корпусе была бы совсем невозможной, если бы в нее не вносили некоторой мягкости три лица из администрации — инспектор классов, доктор и эконом.

С ученьем в корпусе Рылеев справлялся довольно легко, — случалось, что его переводили через класс, о своей хорошей успешности он сообщает отцу в письмах. Особенную успешность он обнаруживал в «словесных науках»; математика давалась ему труднее, так что приходилось даже иногда брать дополнительные уроки.

Со школьными товарищами Рылеев сошелся хорошо. В младших классах он вызывал их восхищение той стойкостью, с которой он переносил телесные наказания, не издавая под розгами ни малейшего стона. А этим наказаниям Рылееву, коноводу шалостей и часто дерзкому с начальством, приходилось подвергаться очень часто. По словам знавших его в корпусе, он был «пылкий, славолюбивый и в высшей степени предприимчивый сорванец».

Когда мальчик подрос, то на смену дерзким шалостям стали приходить другие увлечения. Он «большой охотник до книг», о чем пишет отцу. В корпусе он знакомится с французским языком, а также и с польским — с последним от одного из товарищей. Библиотека кадетского корпуса была довольно богатая. К корпусной поре относятся и первые попытки собственного литературного творчества Рылеева. Первоначально эти опыты выливаются в обычную форму школьной сатиры на училищный персонал. В таком роде Рылеевым была написана целая поэма «Кулакиада», связанная с кадетским поваром Кулаковым. В старших классах Рылеев посещает театры, увлекается знаменитой тогда драматической актрисой Колосовой, танцовщиком Дюпором.

В последние годы пребывания Рылеева в корпусе кадеты были живейшим образом захвачены происходившей войной с Наполеоном — сначала в России, потом за границей. Думали даже, что класс Рылеева из-за военных событий будет досрочно выпущен еще в 1812 году, но этого не случилось. Совершенно понятно, что ученики дворянского и притом еще специально-военного училища были в такую эпоху настроены шаблонно-патриотически. Рылеев изливает свои чувства в патриотической оде «Любовь к отчизне» (1813 г.), ничем не отличающейся от сотен и тысяч других барабанно-патриотических произведений подобного рода.

Рылеев попытался излить переполнявшие его чувства и в письмах к отцу. Но последний окатил холодным душем сына за его сентиментально-восторженные речи. 18-летний Рылеев в этих письмах, очень витиеватых и экзальтированных, излагает свои «философские» взгляды на жизнь, свои патриотические восторги, мечты о славе и пр. Он хочет «приобщиться к числу защитников своего отечества, царя и алтарей земли нашей, приобщиться и возблагодарить монарха кроткого, любезного, чадолюбивого»... Защитником отечества он стремится стать именно в чине офицера артиллерии, «чине, пленяющем молодых людей до безумия». Может быть, в этом влечении именно к артиллерийской службе сказалось действие примера Наполеона. Мечты о славе, конечно, занимают видное место в переживаниях молодого Рылеева. «Иди смело и презирай все несчастия, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то перенеси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков... Быть героем, вознестися превыше человечества! Какие сладостные мечты!»

В начале 1814 года кончилась школьная жизнь Рылеева: 10 февраля он был выпущен из корпуса (во втором десятке по успехам). Один из младших сотоварищей Рылеева по школе, М. И. Пущин (впоследствии тоже декабрист), так вспоминает расставанье Рылеева с кадетским корпусом: «Помню его восторженное прощанье с кадетами в ротах: он становился на ставец, чтобы всех видеть и всем себя показать, произносил восторженные речи, возбуждавшие еще больше наше воинственное настроение».

Глава вторая

Военная служба

Из корпуса Рылеев был выпущен прапорщиком в 1-ю резервную артиллерийскую бригаду и немедленно же отправлен в заграничный поход. Таким образом, ему еще пришлось быть участником самого конца Наполеоновской эпопеи. По формулярному списку Рылеева, маршрут первого его заграничного похода был таков: герцогство Варшавское, Пруссия, Саксония, Вюртемберг, Бавария, Франция и Швейцария. Ко-

нечно, через бо́льшую часть этих государств ему пришлось только пройти.

Главным местом пребывания за границей Рылеева в этот поход был Дрезден. Оттуда он несколько раз писал матери. В это время комендантом Дрездена был дядя Кондратия Федоровича, генерал М. Н. Рылеев. Он взял племянника под свое покровительство и устроил его на какое-то место при артиллерийском магазине.

Из писем Рылеева заграничной эпохи так и брызжет его юное прекраснодушие, радушно-восторженное отношение к жизни и людям. Всё прекрасно: дядя его так внимателен и заботлив, что другого такого и не найти, тетка своими родственными заботами заменяет для него мать, начальник относится прекрасно, артиллерийские офицеры — верх благородства, его крепостной слуга-старик — прямо удивительный и т. д.

Сохранилось известие, что пребывание Рылеева в Дрездене окончилось для него печально: при живости своего характера он вооружил против себя местных жителей какими-то сатирическими выходка́ми. Те жаловались на него тогдашнему саксонскому генерал-губернатору Репнину, и Репнин велел генералу Рылееву убрать беспокойного племянника. Документально это известие ничем не подтверждено, и невозможно установить, в чем собственно было дело.

Первое пребывание Рылеева за границей было кратковременно: в марте 1815 г. он уже находится в Несвиже, Минской губернии, куда он назначен с командою для обучения верховой езде. Возвращение Наполеона с о. Эльбы вызвало величайшую военно-политическую тревогу во всей Европе и отразилось на судьбе молодого прапорщика: 12 апреля 1815 года он отправился во второй поход, на этот раз во Францию. Переправляясь вторично через Рейн, он в письме к матери предается размышлениям о переменчивости исторических судеб народов и о невозможности предугадать будущее Европы. Захваченный грандиозностью политических событий своей эпохи, он восклицает в своих записях того времени: «Происшествия наших времен более достойны удивления, более невероятны, нежели все дотоле в мире случившиеся».

Во второй поход Рылеев находился главным образом в Париже. Париж дал молодому офицеру много впечатлений. Он посещал театры и музеи, вел дневник своих прогулок по Па-

рижу. Парижская жизнь оставляет ему досуг и для довольно усердных занятий литературой,—он пишет стихи, описывает в прозе виденные им замечательные места, пишет легкую комедию в стиле французского водевиля, — очевидно, под влиянием парижских театральных впечатлений.

Но театры и музеи — это не самое важное, что дало Рылееву пребывание во Франции. В своих показаниях следственной комиссии Рылеев сообщает, что начало его «вольномыслию» было положено во время его пребывания во Франции. Как ни кратковременно было это пребывание, но либеральные стремления у молодого русского дворянина возникли под влиянием заграничной жизни. Для очень многих декабристов непосредственное сближение с европейской жизнью во время заграничных походов в эту богатую политическими бурями эпоху сыграло такую же роль.

13 сентября 1815 года Рылеев двинулся обратно в Россию. В декабре он был уже вместе со своей ротой назначен в Острогожский уезд Воронежской губернии.

В качестве офицера Рылееву пришлось жить в разных местах Острогожского уезда, — сначала в селе Подгорном, а с лета 1817 г.—в слободе Белогорье, в 30 верстах от Подгорного. Один или два раза он совершал с полком кратковременные походы в Орловскую губ. (был, напр., во Мценске).

Самая служба армейского прапорщика в таком захолустье была, конечно, в достаточной степени нудной, в особенности после свежих еще впечатлений заграничной жизни. Большое удовлетворение Рылеев находил в общении с товарищами. В письме к матери он так описывает свое обычное времяпровождение вне службы. «Время проводим весьма приятно: в будни свободные часы посвящаем или чтению, или приятным беседам, или прогулке; ездим по горам и любуемся восхитительными местоположениями, которыми страна сия богата; под вечер бродим по берегу Дона и при тихом шуме воды и приятном шуме лесочка, на противоположном берегу растущего, погружаемся в мечтания, строим планы для будущей жизни и через минуту уничтожаем оные; рассуждаем, спорим, умствуем — и, наконец, посмеявшись всему, возвращаемся каждый к себе и в об'ятиях сна ищем успокоения». И еще неоднократно он упоминает о внутренней содержательности и благородстве своих товарищей-офицеров. Тут — не только склонность молодого Рылеева видеть всё в розовом свете: в его эпоху офицеры представляли куль-

турную часть дворянского общества. Чтение и «умствования», как видим, занимают видное место у Рылеева и его товарищей. Те же стремления проявлялись и во всех других полках, не только столичных, но и разбросанных в глухой провинции.

Посещение окрестных помещиков являлось одним из развлечений для Рылеева и его сотоварищей. Иногда Рылееву случалось бывать в уездном городе Острогожске — «Воронежских Афинах», по громкому выражению самих острогожцев. В этих «Афинах» был, во всяком случае, недурной книжный магазин, где Рылеев доставал себе такие вещи, как, напр., сочинения Монтескье.

В этой в общем приятной жизни много хлопот доставлял Рылееву денежный вопрос. Еще в начале 1814 г. умер отец Рылеева, и дела его оказались в самом запутанном положении. Княгиня Голицына, имением которой он управлял, пред'явила тотчас же после его смерти иск за убытки, причиненные ей его оплошным управлением. На дом Ф. А. Рылеева в Киеве и на всё оставшееся там недвижимое имущество было наложено запрещение. Иск Голицыной после ее смерти поддерживали ее сыновья, и дело это тянулось очень долго. Об иске Голицыных Рылееву пришлось думать и перед своей смертью, и только уже в 1838 г. дело было разрешено судом в пользу наследников Ф. А. Рылеева. Таким образом, в распоряжении семьи Рылеева оставалось только Батово. Имение было расстроенное и очень небольшое: «ревизских душ» в нем было всего 42, а работников 17, да и то деревня была в залоге; мать Рылеева едва справлялась с выплатой казенных процентов. Кондратию Федоровичу его прапорщицкого жалованья не могло хватать, — в экстренных случаях, когда, напр., нужно было обмундирование, приходилось всё-таки прибегать с просьбами к матери. Крайность подчас бывала очень велика. «Я так обносился, — пишет он, — что даже стыдно. Белье скоро совсем нельзя будет носить, а в платье не знаю, как и исправиться, потому что нет денег и, сверх того, должен товарищам». Просить денег у матери было очень тягостно; из одного письма ее Рылеев узнал, напр., что она по безденежью не может выкупить «последнюю фамильную драгоценность» — свой портрет. «Не присылайте лучше ко мне ни копейки, я, право, не нуждаюсь в деньгах, ей-богу не нуждаюсь, постарайтесь только выручить портрет», пишет после этого взволнованный сын.

Как материальная необеспеченность, так и побуждения другого порядка заставили Рылеева помышлять о выходе в отставку. Военная служба скоро перестала удовлетворять его, мечты о геройской славе на этом поприще совершенно рассеялись. Он пишет матери: «И так уже много прошло времени в службе, которая никакой не принесла мне пользы, да и вперед не предвидится, и с моим характером я вовсе для нее не способен. Для нынешней службы нужны . . . . . [1]), а я к счастию не мог им быть, и по тому самому ничего не выиграю».

Николай Бестужев в своих воспоминаниях о Рылееве приводит длинную речь, якобы сказанную Рылеевым матери уже через несколько лет после своего ухода с военной службы в об'яснение причин этого ухода. Произнесение этой речи весьма сомнительно; во всяком случае, Н. Бестужев не мог ее помнить с точностью через столько лет и в сильной степени сочинил слова Рылеева сам. Но Бестужев сам был декабрист. Если мать Рылеева и не слыхала в действительности этих слов от сына, то они всё же очень хорошо выражают те побуждения, которые действительно были у ряда передовых офицеров того времени и у Рылеева в том числе. Самая форма этой приписываемой Рылееву речи, в своей устарелой напыщенности, дает очень верное представление о литературной манере декабристов. Поэтому мы приводим значительную выписку из этого места воспоминаний Бестужева.

«Я служил отечеству, пока оно нуждалось в службе своих граждан, и не хотел продолжать ее, когда увидел, что буду служить только для прихотей самовластия; я желал лучше служить человечеству, избрал звание судьи.

«Что меня ожидало в военной службе? Может быть, военная слава, может быть, безвестная смерть; но в наше время свет уже утомился от военных подвигов и славы героев, приобретаемой не за благородное дело помощи страждущему человечеству, но для его угнетения. Суворов был великий полководец, но слава его бледнеет, когда вспомним, что он был орудием деспотизма и побеждал для искоренения расцветавшей свободы Европы. Должен ли был я, получив эти понятия, оставаться в военной службе? Нет, матушка, ныне наступил век гражданского мужества, я чувствую, что мое призвание выше — я буду лить кровь свою, но за свободу

---

[1]) Вероятно, тут у Рылеева стояло «подлецы» или что-нибудь в этом роде.

отечества, за счастие соотчичей, для исторжения из рук самовластия железного скипетра, для приобретения законных прав угнетенному человечеству — вот будут мои дела».

Это выражено чересчур изысканно и эффектно, но, повторяем, подобные мысли о несовместимости военной службы с обязанностями гражданина в либеральном понимании могли быть у Рылеева — на-ряду с простым и прозаическим житейским соображением о невозможности существовать на скудное офицерское жалованье. А тут прибавилось и еще побудительная причина: Рылеев влюбился, и его брачные планы тоже были связаны с выходом в отставку.

Посещая часто дом помещика Тевяшева в селе Подгорном, Рылеев полюбил его младшую дочь Наталью Михайловну. Уже в сентябре 1817 года Рылеев пишет матери о своем намерении жениться. Предмет своей любви он описывает совершенно в духе тогдашних романов. «Изобразить душевные ее качества почитаю себя весьма слабым; скажу только вам, что милая Наталия, воспитанная в доме своих родителей, под собственным их присмотром, и не видевшая никогда большого света, имеет только тот порок, что не говорит по-французски. Ее невинность, доброта сердца, пленительная застенчивость и ум, обработанный самою природою и чтением нескольких отборных книг, в состоянии сделать счастие каждого, в ком только искра хоть добродетели осталась».

Намерения Рылеева в эту пору весьма неясны. То он пишет, что будет продолжать служить отечеству, но только на другом поприще (т.-е. в гражданской службе), то собирается, выйдя в отставку, заняться приведением в порядок имения — либо матери, либо жены. Вероятно, о всей совокупности своих планов и видов он и не писал матери. Для него важно только одно — получить разрешение матери и жениться. Не получая долго письма от матери, он бьет тревогу, описывает волнение своих чувств и невозможность жить без милой Наталии... Мать, наконец, отозвалась. Она весьма удивлялась намерению сына выйти в отставку, спрашивая у него, что же он будет делать и чем жить, но в своем согласии на женитьбу не отказывала. Летом 1818 г. Рылеев сделал официальное предложение родителям невесты, — в согласии самой невесты он был заранее уверен, — и получил благоприятный ответ. Есть известие, что пылкий Рылеев грозил Тевяшеву застрелиться тут же в случае отказа и показывал даже револьвер, приготовленный для этого. Родители Н. М. Тевя-

шевой, давая свое согласие, требовали почему-то выхода в отставку Рылеева.

Осенью 1818 года отставка была подана. Уехавши в Воронеж по делам службы, Рылеев наполняет свои письма к родным Натальи Михайловны всякими подходящими к его положению нежностями. Наконец, он прочитал в Воронеже в официальном органе известие о своем увольнении от службы. Увольнение состоялось 26 декабря 1818 года; Рылеев получил при этом следующий чин, т.-е. подпоручика.

Прошло еще, однако, порядочно времени, прежде чем Рылеев мог привести в исполнение свое намерение. Материальные условия играли, вероятно, в этой задержке не малую роль. Родители Натальи Михайловны были мелкопоместные дворяне: в приданое за дочерью они могли дать деревеньку всего с 25-ю «душами» крестьян.

22 января 1820 года Рылеев женился, наконец, на Наталье Михайловне. По свидетельству лица, близко знавшего ее, Наталья Михайловна была девушка «необыкновенной красоты и превосходных душевных свойств».

После свадьбы Рылеев отправился с женою в Петербург. 1820 и 1821 годы он проводил попеременно то в Петербурге, то в Воронежской губернии. На Украине, где он жил весенние и летние месяцы у родителей жены, Рылеев много читал, занимался русской и украинской историей. По стихотворениям и литературным планам Рылеева за эти годы видно, что либеральное настроение его все крепло, находя себе пищу и в книгах, и во впечатлениях современной жизни. Большое впечатление, между прочим, произвел на Рылеева IX том «Истории Государства Российского» Карамзина, тогда только что вышедший: яркое изображение неистовств Грозного поддерживало в Рылееве дух ненависти к политическому деспотизму. В том же духе свободолюбия действовали и доходившие до Рылеева известия о греческом восстании. Увлечение Рылеева борьбой греков отразилось и в некоторых его стихотворениях.

Как ни приятно было пребывание в деревне, но остаться там навсегда Рылеев не собирался. Когда кто-то из его друзей дал ему совет в этом роде, он ответил с негодованием в стихах:

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!

Нет, нет, тому во век
Со мною не случиться...
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится...

От деревенской идиллии его влекло в Петербург, в центр умственной и общественной жизни.

Глава третья

Рылеев в Петербурге

В Петербурге, куда Рылеев окончательно переселился в 1821 году, ему, как человеку без средств, приходилось прежде всего искать себе службу для заработка. Дворяне Софийского уезда усиленно предлагали ему быть исправником, но это, конечно, ни мало не улыбалось Рылееву. В январе 1821 года Рылеев сделался по выбору дворян заседателем Петербургской палаты уголовного суда. То немногое, что известно нам о службе Рылеева в палате, говорит о добросовестном отношении его к своим обязанностям. Сохранилось известие о роли, которую играл Рылеев в деле крестьян гр. Разумовского. Рылеев один вступился за этих крестьян, доведенных до крайности поборами и угнетением, и с энергией отстаивал свое мнение против всех. Даже писатель Н. Греч, старающийся в своих записках всячески очернить декабристов и, в частности, Рылеева, говорит: «Рылеев служил усердно и честно, всячески стараясь о смягчении судьбы подсудимых, особенно простых, беззащитных людей».

В уголовной палате Рылеев прослужил три года и в начале 1824 г. поступил правителем дел в Российско-Американскую Компанию. Компания эта управляла торговыми оборотами колоний, которыми тогда владела Россия в Америке. На Рылееве лежали обязанности секретарского характера. Взяться за эту неинтересную по внутреннему характеру работу его, очевидно, заставило то, что служба в Компании лучше оплачивалась. Для Рылеева это было очень важно. Он жил только на свой заработок, маленькое расстроенное имение ничего не приносило. Всякое случайное обстоятельство выбивало из колеи: так, напр., смерть матери (летом 1824 года) заставила Рылеева прибегнуть к займу.

Еще когда Рылеев жил в провинции и только мечтал о Петербурге, одной из самых заманчивых для него сторон столичной жизни была возможность установить литератур-

ные связи. Сейчас же по приезде в Петербург эти связи были установлены. В 1820 году в журнале «Невский Зритель» было помещено стихотворение Рылеева «К временщику» — первое произведение Рылеева, попавшее в печать. Это стихотворение сразу обратило внимание на молодого поэта и заставило говорить о нем. Произведения Рылеева начинают печататься во многих изданиях, он сам связывается с различными литературными организациями. В апреле 1821 года он делается членом «Вольного Общества Любителей Российской Словесности», усердно посещает его собрания, входит в состав должностных лиц общества. В 1823 г. Рылеев был принят действительным членом в «Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств».

С петербургскими писателями Рылеев встречался не только на заседаниях этих обществ, но и во всех местах, где собирались литераторы. Так, он был частым посетителем литературных вечеринок у Греча, в определенные дни принимал и у себя писателей. Со многими из представителей литературы у Рылеева установились хорошие, иногда прямо дружеские отношения. С Пушкиным он скоро перешел на «ты» и довольно часто обменивался с ним письмами — главным образом о литературе. Тесные дружеские узы соединяли Рылеева с А. А. Бестужевым — собратом Рылеева не только по литературе, но и по тайному обществу. Познакомившись в начале 1825 года со знаменитым Грибоедовым, Рылеев несколько раз вел с ним беседы на общественные темы. Об отношении Грибоедова к Рылееву говорят следующие строки из письма Грибоедова к Бестужеву от ноября 1825 г.: «Вспоминали о тебе и Рылееве, которого обними искренно, по-республикански». Близко сошелся Рылеев и с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем, присланным, по воле царского правительства, из Польши в Петербург на службу. После расправы над декабристами Мицкевич, живший тогда уже за границей, посвятил им стихотворение. Оно начинается следующими строками:

Вы помните ль меня? Когда друзей в могилах
И в глубине темниц хочу я перечесть,
Считаю я и вас. В моих мечтах унылых
Для ваших бледных лиц гражданства право есть.
Вас нет теперь со мной. Рылеев благородный,
Кого я обнимал, как брата... О, позор!
Задушенный петлей, повис, как труп холодный.
Бесславие устам, изрекшим приговор!

Не ограничиваясь ролью писателя, Рылеев выступил и в качестве организатора литературного предприятия. Выступление это было очень удачно. Вместе с А. Бестужевым Рылеев издал в 1823 году альманах (сборник) «Полярная Звезда». Альманах был составлен очень умело, о нем заговорили, как о литературном событии. В 1824 и 1825 г.г. вышли 2-я и 3-я книги «Полярной Звезды». В альманахе участвовали лучшие литературные силы, книги раскупались нарасхват, у Рылеева и Бестужева нашлись подражатели, выступившие с другими альманахами. Издатели сумели поставить дело на коммерческую ногу: они платили участникам хороший литературный гонорар и в то же время сами не остались в убытке.

На 1826 год Рылеев и Бестужев, отвлекаемые общественными делами, не могли издать альманаха в обычном составе, но подготовили сборник в уменьшенном размере под названием «Звездочка». Книга была уже отпечатана, но после расправы с декабристами не могла увидеть света и сгнила в подвалах какого-то учреждения.

На-ряду с интересами чисто-литературными, у Рылеева, жившего в эпоху повышенных общественных настроений в дворянском обществе, проявляется и стремление к усвоению общественно-политических знаний. Он не принадлежал к числу самых образованных декабристов, но все-таки не отставал от века и читал наиболее видных представителей общественной мысли. При допросе он показал: «Вообще прилежал я ко всем словесным наукам; в последние же годы особенно занимался изучением прав и истории разных народов. Свободомыслие... постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов, каковы Биньон, Бенжамен Констан и др.». Мы знаем, что Рылеев читал «Дух законов» Монтескье, изучал европейские и американские конституции, внимательным образом изучал Бентама. По политической экономии Рылеев вел долгие беседы с посещавшим его профессором Плисовым. Продолжая интересоваться русской историей, Рылеев познакомился в Петербурге с известным тогда ученым историком Строевым и обращался к нему за нужными ему раз'яснениями и указаниями. По просьбе Рылеева, его знакомые присылали ему из Киева разные материалы по украинской истории.

Подобно многим другим либералам Александровской эпохи, Рылеев, прежде чем сделаться общественным деятелем

в прямом смысле слова, пытался найти исход своим стремлениям в масонстве. В 1820 году он стал членом ложи «Пламенеющей Звезды» и числился в ее списках в этом и в следующем году. О масонской деятельности Рылеева нам ничего неизвестно, — вероятно, никакой деятельности и не было. Русское масонство того времени было лишь формой дворянского времяпровождения, — и безуспешно иные либералы пытались наполнить эту пустую форму некоторым общественным содержанием. Кроме умствований о нравственном совершенствовании, мистических бредней да готовности мириться со всяким политическим строем, здесь ничего нельзя было найти.

В чисто личной жизни Рылеева довольно много места занимали хлопоты о благоустройстве семьи. У него родилась дочь Анастасия, потом сын, вскоре умерший. Сводная сестра Рылеева жила тоже с ним. Жена Рылеева не разделяла идейных интересов своего мужа,—что, конечно, вполне естественно для ее эпохи и для уровня ее образования. Вот что она писала своей сестре:

«Офицеры сюда почти каждый день ходят, а мне такая тоска, когда там сижу, очень грустно сделается, я уйду в свою половину и лежу или что-нибудь делаю». По некоторым стихотворениям и по сообщению одного из друзей Рылеева можно думать, что в 1824 году Рылеев испытывал прилив новой любви к какой-то женщине.

Для Рылеева, жившего в эпоху сентиментализма, характерно большое развитие чувства дружбы. Он был дружен со многими, напр., с И. И. Пущиным, о котором он писал неизвестному нам лицу: «Спасибо, что полюбил Пущина; я еще от этого ближе к тебе. Кто любит Пущина, тот уже непременно сам редкий человек».

Горячий темперамент Рылеева сказывался не только в политических его стремлениях, но и в чисто личных делах. У него был ряд столкновений с разными лицами. Одного негодяя, оскорбившего мать Бестужева и отказавшегося от дуэли с Бестужевым, Рылеев, при встрече на улице, избил хлыстом. В феврале 1824 года у него была дуэль с некиим кн. Шаховским из-за отношений последнего к Анне Федоровне Рылеевой. Рылеев при этом был ранен в ногу навылет.

Рылеев был человек крайне общительный по природе, его влекло к людям. И он привлекал к себе людей. Об обаятельных свойствах Рылеева много говорит Н. Бестужев

в своих воспоминаниях, а также А. В. Никитенко. Никитенко впоследствии был небезызвестным профессором, а в молодости — молодым человеком из крепостного звания, стремившимся получить свободу и возможность учиться. Когда он в первый раз в жизни встретил Рылеева, еще офицером, в Острогожске, в книжном магазине, он был поражен его наружностью. «У прилавка нас уже опередил молодой офицер. Я взглянул на него и пленился тихим сиянием его темных и в то же время ясных глаз и кротким, задумчивым выражением всего лица. Изящный образ молодого офицера живо запечатлелся в моей памяти».

Уже при первом знакомстве с Рылеевым Никитенко испытал на себе, по его словам, чарующее действие его гуманности и рассказал ему всю историю своей борьбы за освобождение от крепостной кабалы. Рылеев принял в Никитенке самое горячее участие, составил план, как воздействовать на гр. Шереметева, владельца Никитенки, не желавшего давать ему вольную; когда один план не удался, Рылеев составил другой, ободрял Никитенко, заинтересовал в его пользу ряд лиц, действовал весьма энергично и, наконец, добился своего. Никитенко получил свободу, и Рылеев из покровителя стал его приятелем. На всю жизнь Никитенко сохранил восторженное отношение к Рылееву.

«Я не знавал, — говорит Никитенко, — другого человека, который обладал бы такой притягательной силой, как Рылеев. Среднего роста, хорошо сложенный, с умным, серьезным лицом, он с первого взгляда вселял в вас как бы предчувствие того обаяния, которому вы неизбежно должны были подчиниться при более близком знакомстве. Стоило улыбке озарить его лицо, а вам самим поглубже заглянуть в его удивительные глаза, чтобы всем сердцем, безвозвратно отдаться ему. В минуты сильного волнения или поэтического возбуждения глаза эти горели и точно искрились. Становилось жутко: столько было в них сосредоточенной силы и огня»...

Глава четвертая

Литературная деятельность Рылеева

Начало литературной деятельности Рылеева было очень удачно: уже первое напечатанное его стихотворение заста-

вило говорить о нем. Ода «К временщику» явно имела в виду всесильного тогда Аракчеева и намекала на ненавистные военные поселения. Приводим оду в выписках.

Надменный временщик, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь.
Твоим вниманием не дорожу, подлец!
Из уст твоих хула— достойный хвал венец!..
...О, муж, достойный муж! Почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злого?
Тиран, вострепещи! Родиться может он!
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!..
...Твои дела тебя изобличат народу:
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен раз'яренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

По форме своей ода Рылеева очень близка к старым одам XVIII века, с их промкой торжественностью и с пользованием устарелыми оборотами речи. Но в эту старую форму он вливает новое содержание: вместо восхваления «сильных мира сего» здесь — яростные нападки на этих сильных, с угрозами народной мести. Подобного рода оды встречаются и у молодого Пушкина. В прошлом родоначальницей такого рода произведений является ода «Вольность» А. Н. Радищева.

Н. Бестужев подробно рассказывает о впечатлении, которое произвела ода. Все были поражены этим смелым вызовом, этой борьбой младенца с великаном, и думали, что на голову смельчака обрушатся тяжелые кары. Но, потому ли, что Аракчеев не захотел узнать себя в портрете, или по какой другой причине, поэт остался невредим. Он продолжал свою поэтическую деятельность и в несколько лет стал одним из самых выдающихся представителей современной ему поэзии.

В ранних стихотворных опытах Рылеева (напомним, что писать стихи он стал еще на школьной скамье) мы видим лишь повторение обычных в то время поэтических мотивов. Стоит только прочесть, напр., «Пустыню» Рылеева, чтобы убедиться, как близка эта вещь и по содержанию и по стиху к «Городку» Пушкина. В своих ранних стихах Рылеев выражает легкий взгляд на жизнь, как на источник наслаждений, «воспевает» вино и мимолетные любовные утехи, впадая иногда в несколько нескромный тон, — всё это не столько его внутренние переживания, сколько поэтическое следование литературной моде. Эта «легкая поэзия», образцами для которой служили в древне-греческой литературе — Анакреон, а во французской литературе XVIII века — Парни, была тогда в большом ходу, ей отдавали дань все. Чего-нибудь своего, оригинального Рылеев в эту поэзию не вложил.

Подлинно свое, внутренне пережитое Рылеев выражает в стихах тогда, когда он является поэтом гражданских чувств. «Я не поэт, а гражданин», сказал однажды про себя Рылеев. Это сказано слишком сильно, его поэтическая деятельность была дорога ему и сама по себе, но он прав, подчеркивая гражданские настроения, как главное содержание своей поэзии. Как первый в нашей литературе поэт гражданских чувств и гражданского гнева, Рылеев является предшественником Некрасова. Для него очень знаменательно, что первым его напечатанным стихотворением была ода «К временщику», а последним, появившимся при жизни, — «Исповедь Наливайко».

В поэзии начала XIX века были очень распространены «неземные» стремления, мечтательные настроения, уводившие человека от земных дел к небесам и погружавшие его в мир исключительно личных настроений. Самым талантливым и самым влиятельным представителем этого направления поэзии был В. А. Жуковский. Эта кроткая мечтательность перестала удовлетворять в эпоху после наполеоновских войн, поэты начинают направлять свое чувство на реальные дела, вдохновляются общественными вопросами. Рылеев, начавший с преклонения перед Жуковским, в конце концов, стал считать его влияние вредным. В феврале 1825 г. он писал Пушкину: «Неоспоримо, что Жуковский принес важные пользы языку нашему; он имел решительное влияние на стихотворный слог наш — и мы за это навсегда должны остаться ему благо-

дарными, но отнюдь не за влияние его на дух нашей словесности, как пишешь ты. К несчастию, влияние это было слишком пагубно: мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали».

Свой идеал поэта Рылеев выразил в следующих стихах:

О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда – долг его;
Предмет—полезным быть для света...
...К неправде он кипит враждой,
Ярмо граждан его тревожит;
Как вольный славянин душой,
Он раболепствовать не может.
Повсюду тверд, где б ни был он,
Наперекор судьбе и року,
Повсюду честь ему закон,
Везде он явный враг пороку.
Греметь грозою против зла
Он чтит святым себе законом,
С покойной важностью чела
На эшафоте и пред троном;
Ему неведом низкий страх,
На смерть с презреньем он взирает,
И доблесть в молодых сердцах
Стихом свободным зажигает...

Гражданские чувства выражались в поэзии довольно многими современниками Рылеева, но наиболее полным и законченным выразителем этого течения был именно он. Его поэтическая деятельность находится в полном согласии с тем, что сказано по поводу литературы в уставе тайного общества Союза Благоденствия. Те члены общества, которые занимались литературой, должны были помнить, что «истинное изящное есть всё то, что возбуждает в нас высокие и к добру увлекающие чувства». Они брали на себя обязательство доказывать, что «сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих».

Этому гражданскому настроению подчинены у Рылеева все прочие чувства. Любовная лирика занимает в его поэзии

довольно видное место, — однако в одном стихотворении он обращается к любимой женщине так:

Мне не любовь теперь нужна,
Занятья нужны мне иные,
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.
Любовь никак нейдет на ум.
Увы!—моя отчизна страждет;
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

Своеобразное выражение гражданские чувства Рылеева нашли в его «Думах». «Думами» он назвал свои стихотворения на темы из русской истории. Он работал над ними с 1821 г., помещая их в разных журналах, а в 1825 г. «Думы» вышли отдельным изданием. На форму, а иногда и на содержание «Дум» оказал влияние польский поэт Юлиан Немцевич. Рылеев, хорошо начитанный в польской литературе, ознакомился с «Историческими песнями» Немцевича, вышедшими в Варшаве в 1816 г. Образчик своих «Дум» Рылеев посылал Немцевичу и написал ему восторженное письмо по поводу его патриотических «Исторических песен».

«Думы» посвящены отдельным деятелям русской истории, начиная с легендарных времен (Олег, Ольга, Святослав и пр.) и кончая XVIII веком (Яков Долгорукий, Волынский, Державин и пр.). Источником для многих «Дум» служила «История Государства Российского» Карамзина, давшая основу рассказа, а также и многие подробности. Самое название «Думы» Рылеев взял в народной поэзии, — так называются украинские песни исторического характера.

Было бы совершенно напрасно искать в «Думах» Рылеева подлинной истории, сколько-нибудь глубокого проникновения в дух прошлого. Герои его говорят одним и тем же языком, к какому бы веку они ни относились, выражают одни и те же настроения. Это — язык и настроения самого Рылеева. Многих исторических деятелей он непомерно идеализирует, изображая их по образу и подобию своему. В особенности бросается эта идеализация в глаза, напр., в думах о боярине Матвееве, Волынском, Державине. Своим свободолюбивым стремлениям Рылеев искал поддержку и отклик в древности. Это явление заме-

чается у многих писателей эпохи Рылеева, — многие, напр., пленялись образом легендарного Вадима, будто бы выступившего на борьбу за старинные вольности против деспотизма Рюрика. В таком же духе свободомыслия рисовалась и Марфа Посадница. Ярче всех это желание найти в древней Руси дух свободы сказалось в поэзии Рылеева.

Свободолюбие у Рылеева и его современников соединялось с патриотическими стремлениями. В ту эпоху понятие «патриотизм» еще не было затаскано и скомпрометировано и могло соединяться с либеральным и даже революционным духом. Во время Великой Французской Революции название «патриот» было равносильно названию «революционер». Таким духом патриотизма в сильнейшей степени проникнуты все «Думы» Рылеева.

Излюбленным героем Рылеева в его «Думах» — как позже в «Поэмах» — является гражданин-патриот, смело выступающий на защиту попранных прав своих соотечественников, бестрепетно готовый из-за блага родины итти в тюрьму и на эшафот. Вот, напр., какие слова влагает Рылеев в уста Волынскому — совершенно наперекор тому, что нам известно о действительном поведении Волынского, кабинет-министра при Анне Ивановне:

Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!
Но тот, кто с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.
Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи —
Он на него, как хищный враг,
Как вихрь губительный из степи...
И пусть падет! — Но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он, и пламенный порыв

Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье
Из века в-век, из рода в род
Передадут его деянье...

«Думы» Рылеева не отличаются большими поэтическими достоинствами. Построение их однообразно, поучительность слишком уж элементарна, описания бледны и все на один лад. Пушкин в письме к Рылееву совершенно правильно указал на бледность и однообразие «Дум». «Все они на один покрой составлены из общих мест: описание места действия, речь героя и нравоучение. Национального русского нет в них ничего, кроме имен»... Исключением являются более живые описания, — как, напр., такое изображение окрестностей Острогожска, хорошо известных Рылееву по личным наблюдениям:

...Там, где волны Острогощи
В Сосну тихую влились,
Где дубов тенистых рощи
Над потоком разрослись,
Где плененный славы звуком
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;
Там, где с щедростью обычной
За ничтожный легкий труд
Плод оратаю сторичный
Нивы тучные дают;
Где в лучах необозримых
При журчании волны
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где в стране благословенной
Потонул в глуши садов
Городок уединенный
Острогожских казаков...

Если стать на историческую точку зрения, то можно понять то сочувствие, с которым «Думы» были встречены современниками, несмотря на все их недостатки. Для своего времени они казались новыми и оригинальными. В критике говорилось, что Рылеев «пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целью возбуждать доблести сограждан подвигами предков». Патриотически-гражданские стихи Рылеева подходили к настроениям современного передового дворянства. К Рылееву и его роли в поэзии применимо то,

что сам Рылеев, с очень малым основанием, говорит о Державине:

Парил он мыслию в веках,
Седую вызывая древность,
И воспалял в младых сердцах
К общественному благу ревность.

Довольно строго отнесся к «Думам» Пушкин, судя их с художественной точки зрения. Он называл Рылеева «планщиком», имея в виду предвзятую поучительность «Дум», говорил, что хотя «Думы» и целят, а все невпопад. Находя в них живые стихи, в целом он признавал их слабыми. Рылеев вступился за некоторые из своих «Дум». «Чувствую сам, что некоторые так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но зато убежден душевно, что Ермак, Матвеев, Волынский, Годунов и им подобные — хороши и могут быть полезны не для одних детей».

В кругу исторических интересов остается Рылеев и в ряде тех произведений, к которым он перешел после «Дум», а именно в поэмах. Все его поэмы связаны с прошлым Украины. Из них закончена была только одна, вышедшая в 1825 г. — «Войнаровский». Прочие — «Палей», «Наливайко», «Хмельницкий» — остались только в набросках и отрывках.

Андрей Войнаровский, судьбой которого заинтересовался Рылеев в своей поэме, был племянник Мазепы и участвовал в его политических планах. После их крушения Войнаровский жил за границей, приобрел образование, вращался в высших кругах общества. Выданный России, он был сослан Петром I в Якутскую область, где и пробыл до самой смерти. Известный историк Миллер во время своего путешествия по Сибири встретил Войнаровского, но уже сильно одичавшего в условиях ссылки. Эта встреча Войнаровского с Миллером и служит у Рылеева отправной точкой поэмы. Войнаровский у Рылеева не превратился в полудикаря, не забыл прошлого, — он рассказывает всю свою историю, характеризует Мазепу, вспоминает, как к нему явилась в ссылку жена, молодая казачка, как она разделяла его горестную судьбу и, не вынесши суровой жизни, зачахла и умерла.

Некоторое однообразие поэмы зависит от того, что почти вся она сводится к рассказу Войнаровского о своем прошлом. Но этот недостаток искупается живым изображением

переживаний ссыльного, красивыми подчас стихами, выразительными картинами сибирской природы. Как и в лучших «Думах», в центре произведения стоит гражданин-патриот. И даже не один: это название в поэме применимо и к Войнаровскому, и к Мазепе, и даже к юной казачке, явившейся разделить судьбу изгнанника. Мазепа у Рылеева производит несколько двойственное впечатление, — подчеркивается его хитрость, неясность его планов, но в общем Рылеев отнесся к Мазепе далеко не так, как позже Пушкин, изобразивший в «Полтаве» Мазепу настоящим злодеем. Мазепа у Рылеева сознательно готов жертвовать за родину не только собой и своими близкими, но даже честью. Когда он умирает, то последнее слово на его устах это «родина». Чистым патриотом-гражданином, без примеси всяких личных побуждений, является у Рылеева сам Войнаровский. Чтя Брута, как высокий образец, Войнаровский не может простить ему слабости, выразившейся в том, что он прибегнул к самоубийству. Жестоко страдая в снегах Сибири, в полном одиночестве, терзаемый воспоминаниями о прошлом, Войнаровский все-таки отвергает мысль о самоубийстве. Он говорит:

Мне надо жить: еще во мне
Горит любовь к родной стране;
Еще, быть может, друг народа
Спасет несчастных земляков,
И — достояние отцов —
Воскреснет прежняя свобода!

Конец поэмы таков. Миллер подружился с изгнанником, часто навещает его. Однажды он спешит к нему с радостною вестью: Войнаровскому позволено вернуться на родину. Но он не находит Войнаровского в его хижине или около нее. Томимый предчувствием, он торопится к могиле его жены, — и там видит такую картину:

Под наклонившимся крестом
С опущенным на грудь челом,
Как грустный памятник могилы,
Изгнанник мрачный и унылый
Сидит на холме гробовом
В оцепененьи роковом;
В глазах недвижных хлад кончины,
Как мрамор лоснится чело,
И от соседственной долины
Уж мертвеца до половины
Пушистым снегом занесло.

Еще ярче выделен момент борьбы за свободу в поэме «Наливайко», значительная часть которой уже была написана. Наливайко — мститель за все поругания, которые испытала его родина, живущий исключительно для борьбы за освобождение.

...Вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья
Не в силах я; один лишь раб
Так может быть и подл, и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?
Нет, нет! мой жребий — ненавидеть
Равно тиранов и рабов!

Решивши поднять знамя восстания, Наливайко открывает свои помыслы в исповеди печерскому схимнику. «Исповедь Наливайко» принадлежит к лучшим образцам поэзии Рылеева. Наливайко говорит устрашенному его намерениями схимнику:

Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный...
Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я на душу принять готов...
...Одна мечта и ночь, и день
Меня преследует, как тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
«Пора!»—мне шепчет голос тайный,—
«Пора губить врагов Украйны!»

Знаменитый конец поэмы таков:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Конечно, Рылеев думал о себе самом, когда писал эти строки, — и они оказались для него пророческими. Понятно, с каким сильным чувством должна была перечитываться всеми «Исповедь» после гибели Рылеева.

В своих поэмах Рылеев подвергся некоторому литературному влиянию Байрона, столь естественному в ту эпоху. Общий план «Войнаровского» напоминает «Гяура» Байрона: там тоже герой раскрывает собеседнику (у Байрона монаху) историю своей жизни. И в обрисовке героев Рылеева — Войнаровского, Мазепы — некоторые краски заимствованы у Байрона.

Стих Рылеева значительно усовершенствовался в «Войнаровском» и «Наливайко» сравнительно с «Думами», талант его явно креп и развивался. Поэмы Рылеева имели большой успех. Пушкину «Войнаровский» очень понравился; он находил, что слог его возмужал, что Рылеев идет вперед, предсказывал ему большую поэтическую будущность и в шутку говорил, что напрасно он его не застрелил.

Окреп не только слог Рылеева — окрепли и его общественные настроения. «Думы» проникнуты еще весьма умеренным политическим духом; в них нет ничего мятежного, они не поднимаются выше общих мест патриотизма и самой первоначальной гражданственности. В «Войнаровском», а особенно в «Наливайко» его стремление к свободе получает уже вполне определенную форму и переходит в прямое побуждение к восстанию против деспотизма.

По общему своему тону поэма Рылеева проникнута бодрым духом. В некоторой части русской поэзии влияние Байрона сказалось в непомерном развитии чувств мрачного уныния и разочарования в людях. Рылеев был не таков; в поэзии своей он более склонен негодовать, чем впадать в меланхолию. Только исключением являются у Рылеева стихотворения, подобные следующему:

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей!
Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,

Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.
Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих;
Но ужасней — истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.
С тяжкой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.
Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

То же нарастание политического настроения, какое имело место в эпических произведениях Рылеева — думах и поэмах — наблюдается и в его лирике. Последним написанным на воле стихотворением Рылеева было стихотворение «Гражданин», впервые напечатанное только в 50-х г.г., и то не в России, а в заграничном издании Герцена. Здесь Рылеев прямо старается возбудить тех, кто не решался на восстание.

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в об'ятьях сладострастья
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья!
Пусть юноши, не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
На бедствия страдающей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в об'ятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риэги [1]).

Это стихотворение Рылеева так долго сохраняло свою возбудительную силу, что еще в 1861 году Н. В. Шелгунов и Мих. Ил. Михайлов поместили его в своей прокламации «К молодому поколению».

[1]) Риэго — знаменитый испанский революционер, современный Рылееву.

Среди стихов Рылеева есть и такие, которые имели прямой агитационный характер и по форме своей были предназначены к распространению среди широких народных масс. Он называл их «песнями». Таких зажигательных песен ходило по рукам довольно много, — молва приписывала все их Рылееву. На допросе Рылеев признал своей только песню «Ах, тошно мне и в родной стороне», а от других отказался. Названную песню Рылеев сочинил вместе с А. Бестужевым. В ней, в умышленно простонародных выражениях, говорится о тяжкой доле крепостных; задается вопрос:

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Роль других классов относительно крестьян изображается так:

А теперь господа
Грабят нас без суда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.
Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам и судам.
А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде и т. д.

Другая агитационная песня Рылеева, предназначавшаяся более для интеллигенции, начиналась словами «Ах, где те острова, где растет трын-трава, братцы». Она пользовалась большой популярностью.

Были, конечно, у Рылеева и другие стихотворения, помимо гражданских — любовные, шуточные и пр. Но в них — мало оригинального, и они не поднимаются выше посредственности. Лучшее свое слово, как поэт, Рылеев сказал именно в области гражданского негодования.

Среди современников поэзия Рылеева, с ее бодрым гражданским духом, а часто и революционным настроением, была очень популярна. И печатные и рукописные его стихотворения читались и заучивались с увлечением. Декабрист Беляев говорит: «Поэмы Рылеева «Войнаровский», «Нали-

вайко» были знакомы каждому и повторялись во всех дружеских и единомышленных кругах». В своих показаниях упоминают о влиянии стихотворений Рылеева на развитие гражданских настроений у декабристов Штейнгель и др. Н. Бестужев сообщает о распространении произведений Рылеева—прежде всего, его «песен»—даже в народной среде. «Хотя правительство всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могло находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем... В самый тот день, когда исполнена была над нами сентенция и нас, морских офицеров, возили для того в Кронштадт, бывший с нами унтер-офицер морской артиллерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева».

Для общественно настроенных современников Рылеева граждански-революционное содержание его поэзии было настолько важно, что они готовы были ставить Рылеева даже выше Пушкина, вполне признавая всё чисто-художественное превосходство последнего. Любопытен на этот счет такой отзыв Н. Бестужева: «Поэма «Войнаровский» по соображению и ходу стоит выше всех поэм Пушкина, оригинального только в «Цыганах», хотя по стихосложению никак не может равняться ни с самыми слабыми произведениями сего поэта. Обаяние Пушкина заключается в его стихах, которые катятся жемчугом по бархату. Достоинство Рылеева состоит в силе чувствований, в жаре душевном. Переведите сочинения обоих поэтов на иностранный язык, и увидите, что Пушкин станет ниже Рылеева. Мыслей последнего нельзя утратить в переводе, — прелесть слога и очаровательная гармония стихов первого — потеряются». Приблизительно в такое же соотношение, только в более подчеркнутом виде, ставили позже передовые шестидесятники поэзию Пушкина и Некрасова.

Можно отметить несколько случаев, когда поэзия Рылеева в том или ином отношении оказала прямое воздействие на современную литературу. Напр., в числе поэтов-учителей мальчика Лермонтова был и Рылеев, чьим «Думам» он иногда подражал. Важнее всего те сближения, которые

можно произвести между Рылеевым и Пушкиным. Гениальный поэт, как известно, черпал иногда кое-что для своего вдохновения и у писателей неизмеримо меньшего, чем он, значения. Может быть, на знаменитый монолог Бориса Годунова в драме Пушкина оказала некоторое влияние дума Рылеева «Годунов», где душевные мучения Бориса и его широкие реформаторские стремления изображены в очень близком к драме тоне. Больше всего о влиянии Рылеева уместно говорить по поводу «Полтавы» Пушкина. Пушкин не только заимствует некоторые художественные детали, пленившие его у Рылеева, как, напр., палача, засучивающего рукава перед своей работой, но и для самого возникновения поэмы Пушкина «Войнаровский» Рылеева послужил своего рода толчком. Пушкин говорит об этом: «Прочитав в первый раз стихи «Жену страдальца Кочубея и обольщенную им дочь» (стихи Рылеева), я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства. Сильные характеры и глубокая трагическая тень, набросанная на все эти ужасы,— вот что увлекло меня».

Популярность Рылеева среди либеральных читателей продолжалась и в первые десятилетия после его смерти. В 30-х годах стихи Рылеева усиленно переписывались в рукописных сборниках. Печатные издания «Дум» и «Войнаровского» скоро стали библиографической редкостью: любители платили уже лет через 10 по смерти Рылеева по 100 и по 200 руб. ассигнациями за экземпляр. Дума «Ермак» получила распространение в качестве песни в народных слоях. Она входила, напр., в репертуар песен казацких войск на Дону.

О революционизирующем влиянии поэзии Рылеева на следующее за декабристами поколение Н. П. Огарев говорит так: «Те, которые помнят то время, конечно, скажут вместе с нами, что влияние Рылеева на тогдашнюю литературу было огромно. Юношество читало его нарасхват, его статьи знало наизусть». Здесь только нужно говорить не о влиянии на л и т е р а т у р у, как говорит Огарев, а на молодое поколение. Сам Огарев посвятил памяти Рылеева стихотворение, в котором, между прочим, находятся такие строки:

...Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов.

Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце, молча, содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась—
И путь означен жизни всей.
Рылеев был мне первым светом...
Отец! по духу мне родной—
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой!..

В таком же духе говорит о значении поэзии Рылеева и Герцен в своей статье «О развитии революционных идей в России». «Революционные произведения Рылеева и Пушкина расходятся по рукам молодежи далеко за пределы столицы. Нет ни одной хорошо воспитанной барышни, которая не знала бы их наизусть, нет ни одного офицера, который бы не имел их у себя в походном ранце, или сына священника, который не переписывал бы их, по крайней мере, в двенадцати экземплярах. В последнее время этот пыл поостыл, так как они уже отжили свое, зато всё это поколение испытывало на себе живое и молодящее влияние вышеупомянутой поэзии».

Поэзия Рылеева была насильственно прервана в самом начале своего развития. Судя по тому, как быстро шел он вперед и какое значительное созревание таланта обнаружилось в его последних вещах, от него можно было впереди ожидать еще многого. В последние дни своей жизни на свободе, несмотря на все лихорадочное увлечение политическими вопросами, Рылеев продолжал обнаруживать и чисто-поэтические интересы, был полон литературных планов. Навестивший его в декабре 1825 г. Ф. Глинка показывает: «Рылеев был болен сильно опухолью в горле и ни о чем не говорил со мною, как только о разных предначертаниях своих поэм, также о трагедии «Богдан Хмельницкий», которую начал писать, и намеревался об'ехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтобы дать историческую правдоподобность своему сочинению». Надо полагать, что Глинка показал следственной комисси не всю правду и что Рылеев, накануне восстания, говорил с ним не только о литературе; но, конечно, эти литературные планы Рылеева не

выдуманы Глинкой, а действительно сообщены ему Кондратием Федоровичем. Смерть не дала развернуться всем этим начинаниям поэта.

Глава пятая

Тайные общества

В начале 1823 года Рылеев стал, по рекомендации И. И. Пущина, членом тайного политического общества — так называемого Северного Общества.

Тайные общества стали возникать в России сейчас же после заграничных походов 1814—1815 г.г. Создавались они первоначально в среде столичного гвардейского офицерства. Первым из таких обществ был «Союз Спасения», основанный в начале 1817 года. О его программе можно сказать, что она была далека от революционности и сводилась к чисто культурной работе. Если можно говорить о перемене формы правления в России, как окончательной цели Союза Спасения, то эта цель была известна лишь очень немногим руководителям, да и этим посвященным эта перемена представлялась возможной лишь в довольно отдаленном будущем, и пути к ней были неясны.

В 1818 г. вместо Союза Спасения был основан Союз Благоденствия. Он был более оформлен и имел особый устав, образцом для которого послужил устав немецкого патриотического общества Тугенд-бунд (Союз Добродетели). В 1821 году, на с'езде членов тайного общества в Москве, Союз Благоденствия был об'явлен закрытым. Целью тех, кто провел такое решение, было усыпить бдительность правительства относительно общества и избавиться от нежелательных, слишком умеренных членов, с тем чтобы потом опять продолжать тайную деятельность, но уже в обновленном составе и более конспиративно. Так и было: вскоре после московского с'езда работа тайного общества возобновилась. Теперь общество не составляло уже чего-то единого, а имело два центра. Один центр был в Петербурге, в месте расположения гвардейских полков; общество, действовавшее там, называлось Северным Обществом. Другим центром был гор. Тульчин, Подольской губ., где находился штаб расположенной на юге России 2-й армии; это было Южное Общество.

Состав всех этих тайных обществ был чисто дворянский и по преимуществу офицерский. Однако это не исключает возможности говорить о значительной общественной пестроте участников обществ. Здесь соединялись и представители титулованной аристократии, богатых землевладельцев, и средней руки дворяне, и бедные выходцы из мелкопоместной среды, армейские офицеры. Последних было особенно много в обществе Соединенных Славян. Это тайное революционное общество возникло на юге самостоятельно. Члены Южного Общества, узнав о существовании общества Соединенных Славян, вступили с ним в сношения и заключили об'единительный союз. Различия в классовом составе тайного общества соответственным образом отражались и в характере общественных стремлений его участников. В сущности, в недрах одного и того же общества соединялись самые разнообразные в политическом отношении люди — от решительных революционеров до крайне умеренных прогрессистов. Всех их об'единяло недовольство существующими общественными порядками, хотя степени этого недовольства были весьма разнообразны.

В общем, стремления декабристов сводились к следующему: 1) уничтожение крепостного права; 2) замена самодержавия иной формой правления и 3) проведение в жизнь различных буржуазных свобод. Кроме того, очень заметной чертой идеологии декабристов был их национализм, — настойчивое желание отстоять интересы и самобытность именно русского народа.

В области отношения к крепостному праву планы его ликвидации были весьма разнообразны. Некоторые мечтали о совершенно безземельном «освобождении» крестьян — на манер того, как это было сделано в Прибалтийском крае. Большинство думало, что крестьянам следует дать очень небольшой земельный надел с вознаграждением помещиков. Наконец, Пестель доходит до мысли о национализации в пользу крестьян половины всех земель в государстве.

Общей экономической почвой, на которой выросло стремление декабристов к ликвидации крепостного права, было то обстоятельство, что спрос на русский хлеб в Западной Европе очень быстро возрастал в первую четверть XIX века, и помещичьи имения должны были, чтобы удовлетворить нуждам заграничного рынка, вырабатывать как можно больше продуктов. Очень слабая производительность рабского труда

являлась помехой для интенсификации сельского хозяйства,— отсюда и стремление перейти к вольному труду.

Это не значит, что освободительные стремления декабристов вызывались грубо-корыстными побуждениями — декабристы могли быть искренно убеждены, что их намерения продиктованы им исключительно желанием общественного блага. В отдельных же случаях чисто классовая окраска во взглядах декабристов на крепостное право становится очень уж густой и кидается сама собой в глаза. Князь С. Волконский, напр., говорит о Союзе Благоденствия, что «главная цель общества — принятие мер к прекращению рабства крестьян в России, произведенное без всякого потрясения и с соблюдением обоюдных выгод помещиков и крестьян». Задача, конечно, совершенно неразрешимая. Князь Трубецкой пишет: «Должно было представить помещикам, что рано или поздно крестьяне будут свободны, что гораздо полезнее помещикам самим их освободить, потому что тогда они могут заключить с ними выгодные условия, что если помещики будут упорствовать и не согласятся добровольно, то крестьяне могут вырвать у них себе свободу, и тогда отечество может быть на краю бездны». Полковник Митьков показывал: «Помещики получали бы вернее доходы с своих земель, если бы крестьяне были свободны, а крестьяне были бы в лучшем состоянии, потому что каждый занимался бы по своему произволу». Митьков говорил, что некоторые помещики проявляют готовность к освобождению крестьян именно потому, что они «начинают убеждаться, что выгоднее владеть землею, нежели крестьянами, которые часто бывают в тягость помещику».

В чисто политических взглядах всех декабристов, как сказано, об'единяет враждебное отношение к самодержавию. Передовая часть дворянства не могла не сознавать, что самодержавие является препятствием для развития более прогрессивных, т.-е. буржуазно-капиталистических отношений. Но расхождения в вопросе о том, что поставить на место самодержавия, были весьма значительные. Некоторые полагали, что самою лучшею уздою для царского самодержавия является... родовая аристократия. И не только кн. Трубецкой, сам аристократ, но и Никита Муравьев, А. Бестужев, Батенков, Якубович склонялись к «монархии, аристократиею умеренной». Возможно, что здесь действовал пример английского государственного строя.

Большая часть декабристов склонялась к монархической конституции с определенным имущественным цензом для избирателей. По проекту конституции Никиты Муравьева, виднейшего теоретика Северного Общества, все политические права предоставлялись лицам, обладавшим недвижимою собственностью на сумму не менее 30.000 руб.; переводя эту сумму на крепостные «души», мы получим имение в 300 душ— типичное имение среднего помещика. Это соответствует тому, что большинство декабристов были именно среднего достатка помещиками. Средне-поместные симпатии очень ярко выразились в тюремных писаниях Якубовича. Он делит русское дворянство на вельмож, средних и мелкопоместных. Все свои симпатии он отдает среднему дворянству, как классу «образованному и способному с пользой служить отечеству». «Мелкопоместные дворяне пребывают в полном невежестве, наводняя армию и судебные палаты».

Левая часть декабристов была настроена республикански. Виднейшим теоретиком республиканцев был вождь южан, полковник П. И. Пестель. Очень определенных республиканских взглядов придерживалась и группа Соединенных Славян. Эти выходцы из мелкопоместной среды были настроены весьма демократически и сами пользовались термином «демократия» для выражения своих стремлений. Политические тенденции Пестеля и Соединенных Славян являются уже выражением не дворянской, а мелко-буржуазной идеологии.

Говоря об идеологии декабристов, необходимо помнить, что при неразвитости классовой борьбы, при малой оформленности общественных групп не могло быть и большой четкости в общественной мысли. Промышленно-капиталистические отношения только зарождались, пролетариата, как самостоятельного класса, не существовало, промышленная буржуазия находилась в зачаточном состоянии. Либеральным дворянам приходилось как бы замещать собою еще отсутствовавшую у нас буржуазию, выражать ее интересы. Отсюда неопределенность, сбивчивость общественных формул декабристов. Так, А. Бестужев, как мы видели, тяготел в политике к монархии, ограниченной родовой аристократией. Но это устремление соединялось в нем с некоторыми явно буржуазными тенденциями: в письме к Николаю I из крепости он рисует картину чисто-буржуазного процветания будущей России — с притоком иностранных капиталов, с развитием отечественной промышленности.

Классовым положением декабристов и положением их в современном русском обществе об'ясняется и весьма относительный характер их революционности. Примеров отсутствия революционности в заявлениях декабристов можно найти сколько угодно. Евг. Оболенский, в воспоминаниях, изобразивши Союз Благоденствия, как общество с целями исключительно культурническими, говорит: «В дали туманной, недосягаемой виднелась окончательная цель — политическое преобразование отечества — когда все брошенные семена созреют и образование общее сделается доступным для массы народа»... Эта характеристика относится еще к Союзу Благоденствия, — но и после закрытия Союза, по возникновении Северного и Южного Обществ, многие из членов были сторонниками реформистского, а не революционного метода, стояли за медленную культурную эволюцию. Барон Штейнгель считал немедленное учреждение республики невозможным и революцию, направленную к такой цели, гибельной. Россия не готова к такому перевороту. «В городах у нас нет настоящего гражданства, и внезапная свобода подаст повод к безначалию, беспорядкам и неотразимым бедствиям». М. И. Муравьев-Апостол писал своему брату Сергею: «Допустим даже, что будет легко пустить в дело секиру революции; но поручитесь ли вы в том, что сумеете ее остановить?». Батенков додумался даже до такой формулы: «Революция та только может быть одобрена, по совершении коей никто ничего не теряет».

Весьма примечательно то обстоятельство, что отношение громадного большинства декабристов к Великой Французской Революции, по крайней мере, в период якобинской диктатуры, было отрицательное. Революция, совершенная мелкой буржуазией, оказывалась слишком крепким напитком для либерального дворянства крепостнической страны. Когда Трубецкого спросили в Зимнем Дворце о цели возмущения, он сказал, что заговорщики хотели, путем внесения перемен в государственный строй, избавить Россию на будущее время от переворотов вроде французской революции. Смелый революционер Каховский писал из крепости Николаю: «Революция Франции, столь благодетельно начатая, к несчастью, наконец, превратилась из законной в преступную». Батенков заявил: «Голова и сердце мои исполнены были величайшим уважением к английской конституции и совершенной ненавистью к конституции 1791 года». Люблинский

показывает, что он никогда не был за республику: на этом пути его предостерег пример французской революции. Даже Пестель, вождь крайней левой, делает такое заявление: «Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня искать средство к избежанию подобных...». Эти слова Пестеля тем более удивительны, что сам Пестель по всему духу своей конституции и по принятой им революционной тактике изо всех декабристов больше всех приближался к мелко-буржуазному якобинству. Только об Арбузове, второстепенном члене общества, довольно активно проявившем себя в день 14-го декабря, есть сообщение, что он был сторонником крайних мер в революциях и восхвалял якобинский террор. Но в этом отношении Арбузов оставался совершенно одиноким: товарищи смотрели на эти его мнения, как на какое-то чудачество.

Среди декабристов было много людей, лично мужественных и решительных. У большинства из них недостаток революционного духа об'ясняется не личными их свойствами, а их классовым положением. В самом деле, к кому могли они обратиться за поддержкою в своих преобразовательных стремлениях? К дворянству? Но масса его, конечно, не пошла бы за передовыми представителями своего класса: крепостное право и самодержавие были необходимыми основами его материального благополучия. К народу, т.-е. к крепостному крестьянству? Но ведь революционизированное крестьянство обратилось бы прежде всего против класса, его угнетавшего, т.-е. против дворянства. Вот почему всякое углубление революции, переход инициативы к широким народным массам пугали декабристов.

Призрак крестьянской революции, кровавого безначалия носился перед взорами дворян-декабристов и сильно связывал их революционную энергию. Батенков, давая свое согласие на вступление в тайное общество, мотивировал это вступление тем, что перевороты снизу, от народа опасны. Во избежание такой опасности тайное общество, по его мнению, должно было само завладеть властью посредством силы или интриги. Энергичный Бестужев-Рюмин с осуждением относился к революциям, начинаемым «чернью», и говорил, что русская революция должна быть произведена одной армией, без участия народа: в таком случае она обойдется совершенно без крови. А. Бестужев так об'яснял Николаю цели восстания: «Как ропот народа, от истощения и злоупотре-

бления земских и гражданских властей происшедший, грозил кровавою революциею, то общества вознамерились отвратить меньшим злом большее и начать свои действия при первом удобном случае». Очень реалистическую картину народного восстания рисовал себе Штейнгель: он указывал, что «в одной Москве 90 тысяч одних дворовых, готовых взяться за ножи, и что первыми жертвами тогда будут наши бабушки, тетушки и сестры».

Мы указали выше, что очень заметной чертой идеологии декабристов является их национализм, соединявшийся с либеральными идеями. Даже в уставе Союза Благоденствия есть правило «показывать всю нелепую приверженность к чужеземному и худые сего последствия, также стараться уверить, что добродетельный гражданин должен всегда предпочитать полезное приятному и чужеземному отечественное». Есть сообщение, что при приеме в Южное Общество держались правила не принимать никого, кроме русских. В письме к Николаю Каховский порицает предпочтение, оказываемое на службе иностранцам и обижающее русских, добавляя: «Петром I, убившим в отечестве всё национальное, убита и слабая свобода наша». «Русская Правда» Пестеля (его проект республиканской конституции для России) в очень сильной степени проникнута националистическими настроениями. Это понятно: в начале XIX века в ряде стран Европы национализм являлся первичной формой политического сознания. В Италии, Испании, Германии от борьбы с иноземным порабощением переходили к либеральным и революционным идеям.

Свободолюбивые стремления декабристов создавались прежде всего условиями русской жизни. Некоторую роль могло играть и продолжительное пребывание русских войск в Западной Европе во время заграничных походов. Сопоставления русской жизни с европейскою при этом напрашивались сами собою. Это, конечно, лишь добавочное воздействие: многие офицеры-либералы и не были за границей. Наблюдения событий политической жизни Европы уже после походов тоже играли не малую роль. Недаром первоначальным ядром Союза Спасения был собственно кружок офицеров, привыкший совместно читать газеты. Все сообщения о политической жизни Европы читались декабристами с жадностью. Материал для политической мысли был богатый, борьба классов и наций шла весьма оживленно, революции,

реставрации, международные контрессы быстро следовали один за другим. Такого умного наблюдателя, как Пестель, именно размышления над современной политической жизнью в мировом масштабе привели к следующему, отчетливо выраженному обобщению: «Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными».

В частности, особенно сильное влияние на декабристов оказывала революция в Испании 1820 года. Испанский переворот, произведенный исключительно военными, пленял умы русских либералов и революционеров, громадное большинство которых тоже состояло из военных. Обсуждая тактику будущей русской революции, декабристы беспрестанно обращались к испанским примерам. Имя испанского вождя Риэго было у всех на устах, как символ героической борьбы за свободу. О Риэго упоминает в своем стихотворении Рылеев, казнь Риэго вызвала целое стихотворение Пушкина.

Под'ем либеральных и революционных идей в России в первую четверть XIX века соответствует подобному же явлению и в Западной Европе. Революционное брожение умов проявлялось в различных странах, имея всюду свои местные причины и свой особый характер. В России освободительные идеи нашли в тайных обществах своеобразное выражение, соответствовавшее классовому строению общества. Дворянский революционизм крепостной страны, естественно, был весьма умеренным.

Глава шестая

Рылеев в Северном Обществе

Когда Рылеев был введен в Северное Общество Пущиным, то число членов было очень невелико, и никакой деятельности общества не проявляло. Во главе его стоял Никита Муравьев; это был человек очень умеренный, без всякого революционного темперамента и не практический деятель, а кабинетный теоретик. Самым важным для общества делом он считал доведение до конца своего проекта конституции. «Муравьев ищет всё толкователей Бентама, а нам не перьями действовать», роптали на него позже сотоварищи, недовольные его академичностью.

Вскоре по своем вступлении в общество Рылеев начинает играть в нем исключительную роль. Он сам захвачен идеями свободы и умеет захватить других. «Он был главною пружиною предприятия: воспламенял всех своим поэтическим воображением, подкрепляя своею настойчивостью», пишет в показаниях А. Бестужев. Такую же оценку дают деятельности Рылеева и многие другие. Он был «душой» заговора по тому возбуждающему, воспламеняющему влиянию, какое оказывал на других. При его обаятельных личных качествах, при глубокой искренности и убежденности речи, при уменьи воздействовать именно на чувство, он более чем кто-нибудь годился для того, чтобы приобретать новых сторонников для тайного общества.

О характере красноречия Рылеева, которым он сумел воздействовать на многих, друг его Н. Бестужев говорит так: «Рылеев был не красноречив и овладевал другими не тонкостями риторики или силою силлогизма, но жаром простого и иногда несвязного разговора, который в отрывистых выражениях изображал всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего красноречивее было его лицо, на котором являлось прежде слов всё то, что он хотел выразить...».

Список тех лиц, которых привлек к тайному обществу Рылеев, очень велик. Достаточно назвать Александра, Михаила и Николая Бестужевых, Каховского, кн. Одоевского, Торсона, Батенкова, Арбузова, Панова, Булатова, Сутгофа, Кожевникова. В числе лиц, с которыми Рылеев вел переговоры о вступлении в общество, был и Грибоедов. Рылеев оставил писателя в покое, узнав, что Грибоедов не верит возможности добиться чего-нибудь путем заговоров и восстаний.

В тех, кто падал духом и начинал сомневаться в осуществимости создаваемых революционных планов, Рылеев умел влить свою энергию. Так, он часто укорял за леность и равнодушие к обществу А. Бестужева, нашел убедительные слова для Оболенского, у которого возникли сомнения о праве революционного меньшинства проводить свои планы вопреки большинству.

Личные свойства Рылеева имели и свою обратную сторону для его политической деятельности. Н. Бестужев говорит о слишком большой доверчивости его к людям, о склонности видеть во всех лучшие намерения и упускать из виду низкие душевные побуждения. Слишком прекраснодушный,

он глядел на все сквозь розовые очки и не переставал верить даже тогда, когда его уже обманули. Для политического деятеля это было, конечно, очень важным недостатком. «Если человек недоволен был правительством или злословил власти, Рылеев думал, что этот человек либерал и хочет блага отечества. Это было причиною многих его ошибок на политическом поприще».

Усилия декабристов по части завербования новых членов распространялись исключительно на дворянский круг, и притом почти только на офицерство. Когда настроенный более демократически Рылеев поставил вопрос о привлечении подходящих членов из купечества, ему ответили, что это невозможно, так как наши купцы — невежды. Раз целью ставился военный переворот, то армия, естественно, являлась единственным об'ектом пропаганды. Но при этом декабристы почти вовсе не думали о том, чтобы выяснить свои цели солдатам и сделать из них сознательных приверженцев. Офицеры смотрели на солдат только как на орудие переворота. Заговорщики стремились снискать доброе расположение подчиненных им солдат, чтобы в момент переворота те послушно пошли за ними, но в свои планы их отнюдь не посвящали. На этот счет и Пестель рассуждал таким образом: «Масса — это ничто; она будет тем, чем захотели ее сделать отдельные личности, в которых заключается всё». Только Соединенные Славяне, по своему классовому происхождению стоявшие все-таки ближе к народным массам, рассуждали иначе. Они думали, что солдатам следует выяснить цели предполагаемого восстания, и вели в этом отношении некоторую пропаганду.

Лично у Рылеева были хоть кое-какие попытки воздействовать на более широкие круги населения. На одном из собраний он говорил о своем намерении окончить «Любопытный разговор» Никиты Муравьева (попытка популярного изложения либеральных идей) и писать песни агитационного характера в народном духе. «Любопытного разговора» он не кончил, но песни, как мы знаем, сочинял, и, повидимому, они находили некоторое распространение в солдатской массе.

В чем же, собственно, состояла деятельность Северного Общества, кроме пропаганды в офицерских кругах и приобретения новых членов? В течение 1823 и 1824 г.г. нечего отметить, кроме собраний для обсуждения различных обществен-

ных вопросов. Больше всего такие вопросы возникали в связи с теми разногласиями, какие существовали между Северным и Южным Обществами. В классовом отношении между двумя обществами не было никакой разницы, — члены обоих принадлежали к одному и тому же общественному слою. Тем не менее, Южное Общество было значительно радикальнее в своих взглядах. Это об'ясняется исключительно тем громадным влиянием, которое оказывал на южан П. И. Пестель, полковник Вятского пехотного полка. Южное Общество было, в сущности, правее своего вождя — но оно подчинялось его авторитету, его железной воле.

В Северном Обществе план будущего государственного устройства России вырабатывал Никита Муравьев, в Южном — Пестель. И та и другая конституции остались недоконченными. Основная разница между ними была в следующем. Ник. Муравьев был сторонником конституционной монархии с довольно высоким имущественным цензом для избирателей с федеративным принципом в отношениях между отдельными частями государства. Пестель был убежденный республиканец, приверженец демократического и строго централизованного государственного устройства. В аграрном вопросе, как сказано, Пестель шел до частичной национализации земли.

Большему радикализму политической программы южан соответствовала и бо̀льшая решительность их тактики. Они поставили себе вопрос о способах осуществления нового строя и дали на него революционный ответ. Они представляли себе чисто военное восстание (то, что называется испанским ходовым словом «пронунциаменто»). После свержения старого правительства Пестель считал неизбежной диктатуру временного правительства, составленного из членов общества. Такая диктатура должна продолжаться не меньше 10 лет. Временное правительство произведет за это время все необходимые политические и социальные реформы. Южане уже назначили сроки начала восстания; так, одно время они предполагали начать его во время смотра войск царем в м. Белой Церкви (Киевской губ.) летом 1824 года. Смотр этот не состоялся. Новым сроком восстания Южное Общество об'явило лето 1826 года.

Пестель совершенно правильно считал необходимым предварительным шагом соединение обоих обществ для согласованных действий. Через различных членов Южного Обще-

ства, приезжавших в Петербург,—Барятинского, Волконского, Давыдова,—сношения велись в течение долгого времени. Наконец, в марте 1824 года приехал сам Пестель и пробыл в Петербурге месяца два. Однако все эти попытки оказались тщетными, — об'единение не состоялось. Слишком уж различны были стремления Пестеля и северян для того, чтобы они могли столковаться. Вместо утопических надежд на возможность какими-нибудь способами убедить монарха даровать конституцию, Пестель определенно поставил вопрос о революционном военном перевороте. Северяне растерялись, когда, вместо растянувшихся на годы разговоров о преимуществах той или иной конституции, их прямо спросили, когда и как они думают начать действовать. Сейчас же послышались речи о неподготовленности России к перевороту, о предпочтительности мирного эволюционного пути и пр.

Не помогли делу и личные переговоры Пестеля с северянами. С Рылеевым он виделся один раз, беседа их длилась два часа. Пестель доказывал Рылееву необходимость соединения обоих обществ под сильной, диктаторской властью избранного правления, критиковал конституцию Никиты Муравьева, излагал свой земельный проект. «Заметив в нем хитрого честолюбца, я уже больше не хотел с ним видеться», пишет в своих показаниях Рылеев. Он называл Пестеля человеком опасным для России и для видов общества. Очевидно, Пестель не подходил под тот образ идеального революционера, какой создался в воображении Рылеева. В честолюбивых замыслах подозревали Пестеля и другие члены Северного Общества, — они полагали, что он готовил себе в будущем роль Наполеона. Пестель видел эти подозрения и, расставаясь с Трубецким после окончательной беседы, сказал ему с горечью: «Стыдно будет тому, кто не доверяет другому и предполагает в другом личные какие виды; последствие окажет, что таких видов нет». Не в первый и не в последний раз люди более слабые об'ясняли революционную энергию других честолюбивыми побуждениями. И сам Рылеев, как увидим, тоже подвергался до известной степени подобным обвинениям.

Об'единения обществ не последовало, но все эти переговоры с южанами не прошли бесследно. Южане так настойчиво говорили о необходимости начинать восстание и так определенно рисовали свои силы, искренно их преувеличивая,

что это действовало возбуждающим образом и на северян. В 1825 году в Петербурге чувствуется под'ем настроения. В начале этого года Рылеев был избран членом Верховной Думы, стоявшей во главе Северного Общества, на место уехавшего Трубецкого. Вторым членом Думы был кн. Оболенский, третьим (с апреля, вместо Муравьева) А. Бестужев. Оболенский и Бестужев относились к делам общества гораздо менее пылко, чем Рылеев, и скоро его роль в Думе стала исключительно важной. В этот последний год существования общества Рылеев развил наибольшую деятельность. Именно в этом году он принял наибольшее число членов, подбодряя упавших духом, агитировал среди московской интеллигенции во время поездки в Москву. Он поставил вопрос о необходимости завязать связи с Кронштадтом, чтобы завладеть этой крепостью в случае восстания, и летом сам ездил туда вести переговоры с целой группой молодых моряков.

Некоторые из декабристов высказали мысль, что более радикальные настроения Рылеева в последний год его деятельности об'ясняются личным влиянием Пестеля. Едва ли это так: свидание Рылеева с Пестелем было слишком кратковременным и впечатление от Пестеля слишком неблагоприятным, чтобы можно было предполагать такое влияние.

В мемуарах и показаниях декабристов слышатся иногда упреки Рылееву за его диктаторскую роль в Думе и наклонность к абсолютизму в действиях. Упреки совершенно неосновательные. В характере Рылеева именно не было той твердости и властности, которые нужны для «диктатора». Но заменить его было некем. Николай Тургенев и Никита Муравьев были гораздо сильнее его в теориях, но они были люди без революционного темперамента, а главное — их не было тогда в Петербурге. Из сотоварищей Рылеева по Думе Оболенский был слишком юн и мягок, а А. Бестужев, по его собственным показаниям, уже давно подумывал, как бы поискусней отвильнуть от общества, и Рылееву приходилось бранить его за бездействие. Горячий и преданный делу Рылеев, естественно, выдвинулся вперед и стал играть первую роль.

Определеннее всего эти упреки Рылееву за властолюбие выражены в воспоминаниях Д. Завалишина. Но воспоминания Завалишина, человека путаного, крайне хвастливого и во многих отношениях отталкивающего — вообще очень мут-

ный исторический источник. В его обвинениях по адресу Рылеева ясно чувствуется стремление свести с ним какие-то счеты и желание внушить читателю, что лучше всего роль вождя шла бы именно самому Завалишину.

Нарастание общественного настроения, которое имело место в 1825 году, нашло некоторое выражение в деле Чернова. Чернов, член общества, был офицер скромного общественного положения. Он был близок с Рылеевым. Офицер-аристократ Новосильцев сперва ухаживал за его сестрой, а потом уклонился от женитьбы. При горячем участии Рылеева, Чернов вызвал Новосильцева на дуэль. Рылеев был секундантом Чернова. Дуэль окончилась смертью обоих противников. В либеральном обществе на Чернова стали смотреть, как на человека, смело выступившего против надменности аристократов. Похороны его превратились в демонстрацию: все члены общества и масса других лиц провожали гроб. «Похороны были в каком-то новом, доселе небывалом, духе общественности», писал один декабрист своему знакомому. А. Бестужев на похоронах, указывая на громадное число собравшихся, «с радостным видом говорил, что напрасно полагают, будто бы у нас нет еще общественного мнения, и вообще представлял в виде демократического торжества». Рылеев написал на смерть Чернова горячее стихотворение, призывавшее к отпору гордой знати.

Очень ободряющее действие на членов Северного Общества оказывали слухи, приходившие с юга. Эти слухи, весьма преувеличенные, говорили, что в Южном Обществе всё готово к восстанию, что там все рвутся в бой.

В обществе все чаще и чаще говорили о реальной возможности восстания, — в связи с этим возникал целый ряд важнейших вопросов. В частности, нельзя было обойти вопроса о том, что делать с царской фамилией, если император не согласится на конституцию или если будет провозглашена республика. Цареубийство начинает все чаще быть предметом обсуждения заговорщиков. Впервые заговорил об этом Лунин еще в эпоху «Союза Спасения», в 1817 г. Южане, как республиканцы, с неизбежностью должны были решить, что делать с царской семьей, и наиболее энергичные высказывались в смысле необходимости убить царя или даже всю царскую фамилию. Убийство царя на смотру, по их мнению, и должно было стать сигналом к восстанию. Последние месяцы своего существования говорили на тему о царской семье

и северяне. Высказывались предположения о том, чтобы заключить Романовых в крепость или отправить за границу. Рылеев даже наводил у морских офицеров некоторые справки относительно судна для такой перевозки. Затем явились намерения цареубийства. Первый вызвался убить царя Якубович, офицер, только что приехавший из Кавказской армии и пользовавшийся славою отчаянного храбреца. Все члены общества, узнав намерение Якубовича, отговаривали его, ссылаясь на то, что это будет бесполезно и погубит общество. Особенно старался убедить Якубовича Рылеев. В своей горячности он дошел даже до того, что заговорил о необходимости донести на Якубовича, чтобы помешать ему осуществить свое намерение и тем погубить общество.

Рылеева, конечно, без труда отговорили от его плана,— как отговорили и Якубовича от цареубийства. Вслед за Якубовичем и другой член общества, очень близкий к Рылееву, П. Г. Каховский выступил с тем же предложением. И Каховского тоже убедили отказаться от своего намерения — опять при горячем участии Рылеева. Кроме Якубовича и Каховского, высказывалось иногда подобное намерение и другими членами общества.

Насколько серьезны были все эти разговоры о цареубийстве? Некоторые из декабристов в своих позднейших мемуарах говорят, что это были одни слова, которыми они тешили себя, любуясь собственною революционностью. Особенно решительно высказывается об этом Басаргин (южанин). Он пишет: «Мы много говорили между собою всякого вздора и нередко в дружеской беседе за бокалом шампанского, особенно когда доходил до нас слух о каком-либо самовластном, жестоком поступке высших властей, выражались неумеренно о государе, но решительно ни у меня, ни у кого из тех, с которыми я наиболее был дружен, не было и в помине какого-либо покушения на его особу. Скажу более, каждый из нас почел бы обязанностью своею защитить его, не дорожа собственною жизнью. Я и теперь убежден, что сам Пестель и те, которых Комитет обрисовал в донесении своем такими резкими, такими мрачными чертами, виновнее более в словах, нежели в намерении, и что никто из них не решился бы покуситься на особу царя». Тут есть сгущение красок, — Басаргин судит обо всех слишком уж по себе, — но в основном он очень близок к истине. Во всяком случае, разговоры о том, что нужно убить не только царя, но и всю

царскую семью, нужно уж безусловно отнести к области революционной фразы. Дворянство, как класс, слишком долго и прочно было связано с самодержавием, — поэтому даже у передовых его представителей в глубине души оставался род суеверного почтения к этой власти. Это сильно сказалось во время суда над декабристами.

Каковы были политические убеждения самого Рылеева? При ответе на этот вопрос следует помнить удачное определение Герцена, что Рылеев «явился как бы Шиллером заговора и всей молодой России». Поэт во всем, он был увлечен поэтической стороной революционной стихии. Он искренно ненавидел деспотизм и стремился к свободе России, он проявлял готовность к самопожертвованию, но политические взгляды его не отличались четкостью и твердостью. В Северном Обществе он принадлежал, безусловно, к левому крылу. С высоким имущественным цензом в конституции Ник. Муравьева он не мирился, заявляя, что «это несогласно с законами нравственности». Освобождение крестьян он представлял себе с полевой землей. Можно сказать, что среди видных членов заговора он занимал середину между Пестелем и Никитой Муравьевым. Но относительно ряда важнейших вопросов мнение его не было твердо установившимся, а колебалось туда и сюда.

Был ли Рылеев монархистом или республиканцем? Даже на этот основной вопрос нельзя дать прямого и решительного ответа. Многие декабристы считали его, по всему духу его речей, убежденным республиканцем. Батенкову, по словам последнего, Рылеев говорил, что в монархии не может быть ни великих характеров, ни истинных добродетелей, что одни американцы поняли это, а в Европе даже и Англия находится в тяжком рабстве от аристократии. Россия подаст пример настоящего освобождения. Но, с другой стороны, Рылеев, по его собственным показаниям комиссии, говорил, что Россия еще не готова к республиканскому строю и что он согласится на республику только тогда, когда за нее выскажется большинство народных представителей. В разговоре с Пестелем на прямой вопрос последнего, какую политическую форму он предпочитает, Рылеев ответил: «Мне удобнейшим для России кажется областное управление Северо-Американской Республики при императоре, которого власть не должна много превосходить власти президента Штатов». Это что-то совсем половинчатое: от Никиты Му-

равьева здесь Рылеев берет федеративный принцип, проявляет симпатию к американской демократии — и вместе с тем в будущей России оказывается необходимой фигура императора.

Определеннее всего слышится у Рылеева та политическая мысль, что вопрос о форме правления должно разрешить само народное собрание. Он подчеркивает в показании, что с самого вступления в общество и до 14 декабря он повторял одно: «Никакое общество не имеет права вводить насильно в своем отечестве нового образа правления, сколь бы оный ни казался превосходным, это должно предоставить выбранным от народа представителям, решению коих повиноваться беспрекословно есть обязанность каждого». Члены общества должны только разрушить старый образ правления и затем свой проект государственного устройства представить Великому Собору (т.-е. Учредительному Собранию), — действовать иначе значило бы совершать насилие над народом.

Такие же колебания были у Рылеева и относительно вопросов тактики — и прежде всего относительно цареубийства. Он отговаривал Якубовича и Каховского от их планов, — и, однако, сам показывает, что одно время, обдумывая предложения цареубийц, и сам начал склоняться к мысли о необходимости истребить всю царствующую фамилию. Без этого он предвидел междоусобную гражданскую войну «и все ужасы народной революции». Правда, он добавляет, что потом снова вернулся к намерению передать всё на решение Великого Собора и никому не сообщал этих своих мыслей. Последнее — неверно, как мы увидим.

В политическое миросозерцание Рылеева заметной составной частью входил его национализм, проявление которого мы видели при обозрении его литературной деятельности. Он любил мечтать о том, что нужно повесить по-старине вечевой колокол, что народ в массе своей не изменился и готов сбросить чужеземное влияние и восстановить свои древние обычаи. Друзья Рылеева отмечают «всегдашнюю наклонность Рылеева налагать печать руссицизма на свою жизнь». Эта «печать руссицизма» выражалась, между прочим, в хорошо известных «русских завтраках» Рылеева, посещавшихся членами тайного общества и литераторами. «Русский завтрак» состоял из графина простой водки и нескольких кочней кислой капусты.

При всей шаткости и недодуманности политических взглядов Рылеева остается несомненным одно: он всем своим существом чувствовал необходимость начать революцию. Этой своей революционной готовностью он был головой выше громадного большинства членов Северного Общества. «Ежели мы долее будем спать, то не будем никогда свободными», — вот излюбленное его положение, которое он развивал перед членами общества, увлекая своей пламенностью и других. И он был сознательно готов стать жертвой этой попытки, обрекая себя на гибель. Этим горячим революционным чувством искупаются грехи политического миросозерцания Рылеева.

Глава седьмая

Накануне 14 декабря

Предположенным сроком восстания было начало лета 1826 года. Обстоятельства заставили членов тайных обществ выступить раньше.

19 ноября 1825 г. Александр I умер в Таганроге. Престол после него, за неимением у него детей, должен был перейти к старшему после него брату Константину. Но Константин отрекся от престола еще в начале 1822 года. Александром в 1823 году был составлен официальный манифест, утверждающий отречение Константина и назначающий императором Николая. Все эти распоряжения держались в большой тайне, — об отречении знали несколько высших сановников, да царская семья, т.-е. мать царя и сам Николай. Запечатанный текст манифеста был положен в нескольких высших государственных учреждениях с тем, чтобы вскрыть лишь после смерти Александра. Романовы распорядились престолом совершенно по-семейному.

При тогдашних средствах сообщения, известие о смерти царя пришло в Петербург лишь 27 ноября. Из страха ли, что его не захотят признать войска, или по другим причинам Николай не стал распечатывать пакета, о чем ему напоминали осведомленные сановники, и с большой торопливостью распорядился о приведении к присяге Константину населения столицы.

Происшедшее важное событие застало членов тайного общества совершенно врасплох. В своих планах они нередко

исходили из того, что смерть царя может послужить удобным моментом для начала восстания. Но когда эта смерть произошла, оказалось, что ничто не готово. Двое из второстепенных членов общества немедленно кинулись к Рылееву с вопросом, что намерено предпринять общество, и с упреками Рылееву за преувеличение сил общества, которое он допускал в беседах с новыми членами для поднятия их духа. Вечером у Рылеева было собрание. Все признали свое бессилие предпринять что-нибудь. Членов в Петербурге оказывалось совсем немного, солдаты были вовсе не приготовлены. Говорили даже о том, что действия общества надо на время совсем прекратить. Один из участников собрания так рассказывает о подавленном настроении заговорщиков: «Грустно мы разошлись по своим домам, чувствуя, что надолго, а может быть, и навсегда отдалилось осуществление лучшей мечты нашей жизни!».

Несмотря на такой печальный исход совещания, Рылеев и двое Бестужевых решили все-таки пощупать почву относительно настроения масс. Сначала они хотели составить прокламацию к солдатам, но потом оставили это и две ночи, ходя по городу, обращались с беседою ко всем встречным солдатам. Они говорили им, что народ обманули, скрыв завещание покойного царя: в этом завещании срок солдатской службы будто бы был убавлен до 15 лет и была об'явлена свобода крестьянам. «Нельзя представить жадности, с какой слушали нас солдаты», говорит Н. Бестужев. Но эта попытка обратиться к массам носила в Северном Обществе совершенно мимолетный характер и, по существу, поддерживала царелюбивое настроение.

Через несколько дней по городу стали распространяться новые слухи. Константин, находившийся в Варшаве в качестве наместника, привел войска к присяге Николаю и в письме известил царскую семью о своем намерении не вступать на престол. Таким образом, создалось какое-то междуцарствие.

Слухи об этом, сначала неясные, а потом всё более определенные, влили новую надежду в членов тайного общества. Момент новой присяги казался исключительно удобным для попытки какого-нибудь воздействия на власть, — воздействия, опирающегося на военную силу. И. Пущин писал об этом в Москву: «Нас сочтут подлецами, если мы упустим такой момент». Уже сам по себе факт новой присяги через

$2\frac{1}{2}$ недели после первой вселял во многих большое смущение, — этим следовало воспользоваться. Далее, если «подданные» не испытывали никакой любви к Константину, то к Николаю относились совсем уж плохо,—и прежде всего в военной среде. О его личном скверном характере ходили самые разнообразные рассказы. Откровенный и простой человек, полк. Булатов изложил их сущность в своем показании следственной комиссии. Он писал: «На стороне ныне царствующего императора была весьма малая часть. Причины нелюбви к государю императору находили разные, говорили, что он зол, мстителен, скуп, военные недовольны частыми учениями, неприятностями по службе...». Французский посол в донесении своему правительству, сообщив, что Николая Павловича не любят в армии, добавляет: «Не желая нисколько умалять весьма существенных достоинств вел. кн. Николая, я допускаю, что известное ему настроение армии было одною из уважительных причин, побудивших его действовать так, как он действовал». Т.-е., попросту говоря: Николай сначала присягал Константину потому, что боялся ненависти к нему войска.

Квартира Рылеева стала как бы главным штабом заговора, местом постоянных собраний членов общества. Это об'ясняется как той ролью, которую играл Рылеев в обществе, так и тем, что Рылеев несколько времени был болен опухолью в горле и не мог выходить из дому. Одни приходили к нему, другие уходили; сюда приносились все новости и известия, здесь происходили и правильные обсуждения плана действий. Царская полиция оказалась совсем слабой, и на сборища у Рылеева никто не обращал внимания. А заговорщики были хорошо осведомлены о том, что делалось во дворце.

Наспех, лихорадочно велась работа. Принимались новые члены. Особенно поднялось настроение с 10 числа, когда стало положительно известно об отречении Константина и предстоящей новой присяге.

Все последние дни перед 14 декабря, на которое назначена была присяга Николаю, Рылеев проводил либо на совещаниях и собраниях, либо в раз'ездах по городу в поисках разных лиц для деловых переговоров. Неограниченным распорядителем, «диктатором» уже вскоре после вести о смерти Александра был избран кн. Сергей Трубецкой. Но этот вялый и нерешительный человек был поставлен во главе не за свои

личные качества, а потому, что он был полковник гвардии, аристократ, человек с большими связями. Он сам говорит о себе в показаниях: «Члены общества находили только, что им нужно — одно мое имя во мне и более ничего». Душою всего дела попрежнему оставался Рылеев. Он беспрерывно агитировал, подбодрял, придумывал планы, советовал, что говорить солдатам, и пр.

В результате всех обсуждений, беспорядочных и горячих, стало ясным только одно: в день присяги всем офицерам, членам общества, нужно не дать солдатам приносить присягу и вывести их на Сенатскую площадь. Чтобы воздействовать на солдат, предполагалось убеждать их в том, что Константин не отказывался от престола. Кроме того, Рылеев предложил внушать им, будто от народа скрывают завещание Александра с уменьшением солдатской службы, — т.-е. выдвинул тот способ, который он применял в своей устной агитации. Это было всеми принято. Многие склонны были думать, что, когда не присягнувшие войска соберутся на площади в значительном числе, войска, верные Николаю, откажутся стрелять по своим, и дело обойдется без кровопролития. В случае удачи предполагалось, захвативши и арестовавши царскую фамилию, заставить сенат издать манифест к народу о том, что царь и наследник отказались от престола и что нужно повиноваться Временному Правительству. Во Временное Правительство многие были склонны призвать тех из старых сановников, которые были относительно либеральны, и придать к ним кого-нибудь из членов общества. Из таких сановников больше всего называли Сперанского и Мордвинова. Главной задачей Временного Правительства будет созвать Великий Собор (Учредительное Собрание) — из каждой губернии по 2 представителя от всех сословий (дворян, городских обывателей, свободных крестьян). Великий Собор выскажется окончательно о форме правления в России.

В случае же неудачи в Петербурге проектировалось отступить в новгородские военные поселения, где можно было найти хорошую военную базу для повстанцев, ввиду массового озлобления против своего начальства вооруженных военных поселенцев. Эту мысль предложил Рылеев.

Здесь изложены те части плана действий декабристов, которые представляются относительно более ясными. Но в общем о твердо принятом плане говорить не приходится, — слишком велики были разногласия во мнениях и колебания

даже в том, что считалось уже принятым. Колебания были до конца и в таком вопросе, как вопрос о царской семье. Больше всего склонялись к аресту, с тем, чтобы в случае какой-нибудь попытки освобождения прибегнуть к убийству, но вместе с тем опять заговорили и об убийстве Николая. И замечательно следующее: 11 числа Рылеев отговаривал Каховского, снова бравшегося за цареубийство, а 13-го вечером вдруг сам стал уговаривать его убить Николая, указывая, что это будет удобно сделать на площади.

По мере того, как приближался решительный день, становилась всё сомнительней надежда увлечь в восстание большое количество войск. Члены общества были по большей части младшими офицерами гвардейских полков; офицеров в высших чинах, которые могли бы подействовать на солдат своим авторитетом, было очень немного. Рассчитывали на полки Гренадерский, Московский и Морской Экипаж, потому что в них было больше решительных людей из заговорщиков. Но при окончательном подсчете того, на какие полки можно надеяться совершенно наверняка, оказалось, что ручаться нельзя ни за один. Даже в своих ротах ротные командиры были не совсем уверены. Тогда Рылеев заставил собравшихся дать слово, что каждый из них явится на Сенатскую площадь с тем количеством солдат, какое сумеет увлечь, а в худшем случае — хотя бы один.

Понятно, что при таких условиях для многих была ясна большая возможность гибели. В особенности ясна она была для Рылеева. По свидетельству Н. Бестужева, он говорил: «Предвижу, что не будет успеха, но потрясение необходимо, тактика революций заключается в одном слове: д е р з а й, и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других». И на собраниях декабрьских дней пламенней всех говорил он о необходимости начать, хотя бы ценою гибели. «Мы начнем. Я уверен, что погибнем, но пример останется. Принесем собою жертву для будущей свободы отечества».

Романтик революции, восторженный мечтатель, Рылеев понимал красоту жертвы за дело свободы, но плохо представлял себе подлинную революцию, которой не бывает без насилия и крови. Необходимой для революционера доли жестокости не было в его характере. Ему чужды были настроения Каховского, говорившего на одном из собраний: «С этими филантропами ничего не поделаешь: тут просто надобно резать». Он мечтал о революции, совершаемой исключительно

чистыми средствами. Совершенно понятно, конечно, что, когда Якубович предложил разбить кабаки, напоить солдат и «чернь», позволить им грабеж и потом с хоругвями итти ко дворцу, Рылеев с негодованием отверг это, говоря, что для великого дела такие средства не годятся. Но вот другой пример: при обсуждении плана отступления к военным поселениям в случае неудачи Ал. Бестужев сказал, что необходимые для похода деньги можно будет захватить в какомнибудь казнохранилище. Рылеев на это с жаром возразил, что это будет грабеж, что собственность должна быть неприкосновенна. Чрезвычайно наивно для революционера! На какие же тогда средства рассчитывал он кормить солдат во время похода?

13 декабря Рылеев узнал, что недавно принятый в общество молодой офицер Ростовцев донес Николаю о существовании заговора, хотя и не называя имен. О своем поступке он сам сообщил члену Думы Оболенскому, а тот — Рылееву. Рылеев передал эту новость еще немногим — Н. Бестужеву, Штейнгелю. Они решили не распространять известия о доносе и во что бы то ни стало действовать, потому что «лучше быть взятыми на площади, чем на постели». Пути к отступлению были отрезаны.

13 декабря вечером было последнее собрание у Рылеева. Один из участников так характеризует его. «Многолюдное собрание было в каком-то лихорадочном, высоко-настроенном состоянии. Тут слышались отчаянные фразы, неудобоисполнимые предложения и распоряжения, слова без дел, за которые многие поплатились, не будучи виноваты ни в чем, ни перед кем».

Многое, что говорилось на этом собрании, действительно, не носило характера реального плана, но все-таки здесь подвели как-никак окончательные итоги намеченным действиям. В помощь полномочному начальнику, Трубецкому, были избраны полк. Булатов и Якубович. Сговорились о том, что нужно прежде всего занять дворец, хотя этот важнейший пункт не был установлен с полной ясностью: вместо того, чтобы определенно назначить лицо для занятия дворца, Рылеев, повидимому, распорядился, чтобы это дело взял на себя тот, кто первый придет с солдатами на площадь. Крепость и другие важные пункты предполагалось занять уже после захвата царской фамилии. Манифест к народу от имени Сената поручали написать Рылееву, но тот передоверил это

Штейнгелю, опытному службисту, считая его более подходящим. Этот манифест Штейнгель писал еще и на следующее утро — и не довел его до конца за выяснившейся ненадобностью.

Ввиду тех надежд, которые питались многими на присоединение правительственных войск к восставшим, руководители никоим образом не собирались стрелять первыми. Некоторые полагали даже, что войска выйдут на площадь с незаряженными ружьями. В общем же — многое, очень многое в плане действий осталось невыясненным, и Рылееву пришлось дать такую заключительную формулировку, что нужно будет действовать смотря по обстоятельствам.

О том, каково было общее настроение заговорщиков в эти последние часы, свидетельства очевидцев несколько противоречивы. Барон Розен говорит: «Все были готовы действовать, все были восторжены, все надеялись на успех». Один Рылеев поразил его настроением спокойного самоотвержения. Этой картине всеобщей уверенности в успехе противоречит то, что известно из других источников. Напр., кн. Одоевский повторял: «Мы умрем, ах, как славно мы умрем!». Ал. Бестужев говорил, что, в случае неуспеха, о них напишут страницы в истории. Наряду с готовыми на гибель были и испугавшиеся затеянного дела. Хуже всего было то, что к этим робевшим принадлежал и сам «диктатор»: 13 декабря, перед самым началом действий, он советовал отказаться, ввиду неподготовленности. Рылеев говорил ему: «Умирать все равно: мы обречены на гибель», и, чтобы убедить его в невозможности отступления, показал ему копию письма Ростовцева к Николаю.

Лично о Рылееве приведем два отрывка из воспоминаний участников этого последнего заседания. «Как прекрасен был в этот вечер Рылеев! — говорит М. Бестужев. — Он был нехорош собой, говорил просто, но не гладко, но когда он попадал на свою любимую тему — на любовь к родине, физиономия его оживлялась, черные как смоль глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава, и тогда, бывало, не устанешь любоваться им. Так и в этот роковой вечер, решивший туманный вопрос: быть или не быть. Его лик, как луна, бледный, но озаренный каким-то сверх'естественным светом, то появлялся, то исчезал в бурных волнах этого моря, кипящего различными страстями и побуждениями. Я любовался им, сидя в стороне...»

У барона Розена Рылеев спросил, можно ли положиться на Финляндский полк. Розен указал все препятствия и затруднения, делавшие почти невозможной надежду на успех. «Он с особенным выражением в лице и в голосе сказал мне: «Да, мало видов на успех, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и пример принесут плоды». Еще теперь слышу звуки, интонацию: «Все-таки надо».

Очевидно, велика была сила чувства, вложенного Рылеевым в эти слова, если Розен и много лет спустя слышал его интонацию. В этой твердой убежденности, что все-таки надо начать, несмотря ни на что, открытое выступление против самодержавия, заключается главная заслуга Рылеева перед русской революцией.

Глава восьмая

14-е декабря

14 декабря с раннего утра началась присяга в различных полках. В Зимнем Дворце с замиранием сердца ожидали известий о ходе дел. Некоторые недоразумения с присягой имели место в целом ряде полков — в Измайловском, Финляндском, Кавалергардском, в гвардейской конной артиллерии. В последнем полку трения были настолько значительны, что начальством было арестовано несколько офицеров, и для успокоения волнений пришлось приехать в полк самому великому князю Михаилу Павловичу.

Во всех этих полках начальство справилось с положением. Только в трех воинских частях заговорщикам удалось достигнуть результатов — в Московском и Лейб-Гренадерском полках и в Гвардейском Экипаже (моряки). Первым из них, уже в 10-м часу утра, пришел на Сенатскую площадь Московский полк. Здесь главными деятелями были Александр и Михаил Бестужевы и Щепин-Ростовский. Несколько старших офицеров, пытавшихся задержать солдат при выходе из казарм, были ранены. К Московскому полку присоединилась часть Морского Экипажа, с Арбузовым во главе, и позже всех пришли лейб-гренадеры (3 роты). К этому можно прибавить еще часть Финляндского полка. Его вели на подкрепление правительственным войскам, но на Исаакиевском мосту заговорщик Розен скомандовал остановку. Часть пошла дальше,

но 2—3 взвода остались с Розеном на мосту. Розен был готов поддержать своими солдатами основное ядро, когда это понадобится.

Когда отказавшиеся присягать Николаю части собрались на площади, они построились там в каре. Николай, переживший в этот день чрезвычайно большой страх и распорядившийся, чтобы были наготове экипажи для вывоза его семьи из Петербурга, собирал верные ему войска на Дворцовой площади. Собирались они медленно — только к половине третьего оказалось достаточно войск.

Как известно, день 14 декабря прошел собственно в том, что и те и другие войска стояли несколько часов в бездействии друг против друга. По временам николаевские генералы под'езжали к рядам для переговоров, но их встречали ругательствами или выстрелами. Петербургский генерал-губернатор Милорадович был при этом убит выстрелом Каховского. Стреляли и по ген. Сухозанету, и по Михаилу Павловичу, и по самому Николаю Павловичу, когда он оказался слишком близко к повстанцам. Попытка митрополита Серафима, явившегося в облачении, с крестом, в сопровождении нескольких попов, уговорить солдат, конечно, не привела ни к чему. Не поддаваясь увещаниям, восставшие в то же время не предпринимали никаких решительных шагов: солдаты стояли на площади, кричали: «Ура, Константин» — и только. Вследствие этого бездействия, Николай мог собраться с силами и оказаться господином положения.

Нет сомнения: действуй восставшие иначе, они могли бы одержать верх в Петербурге. Другой вопрос, насколько длительной оказалась бы их победа, но в день 14 декабря она была вполне возможна. Число мятежников на площади было от двух до трех тысяч — цифра далеко не ничтожная. Настроение правительственных войск было очень колеблющееся. Недаром Розену так легко было удержать часть полка, шедшего на подмогу Николаю. Войска к Николаю собирались вяло; когда прибыла артиллерия, оказалось, что не взяли зарядов, и пришлось потратить еще не мало времени на доставку снарядов. У сторонников Николая совершенно не было уверенности, что они справятся. Принц Вюртембергский, родственник Романовых, присутствовавший на площади, говорит: «Мы должны сознаться, что возможность полного ниспровержения существующего порядка, при дан-

ных, совершенно исключительных обстоятельствах, зависела от счастливой случайности». Французский посол де-ла-Фероне был уверен, что если бы восставшие пошли на дворец, то их нельзя было бы остановить, и совершенно отказывается понять, почему они стояли более 4-х часов на месте и дали собрать против себя нужные средства.

Причин этого рокового бездействия было несколько. Во-первых, предательское поведение лиц, избранных начальниками. Всего членов общества в Петербурге в тот момент было человек 60, но из них на площади было гораздо меньше. Более активную роль играли 14 декабря братья Бестужевы, Каховский, Щепин-Ростовский, Сутгоф, Панов, Оболенский, — всё это младшие офицеры (Каховский даже отставной). Ни одного штаб-офицера не оказалось в рядах восставших, — а главари-то как раз и придавали такое большое значение «густым эполетам». Булатов побыл немного на площади в качестве зрителя и удалился: он не хотел «марать себя» при небольшом количестве восставших. Для Булатова это вполне естественно: он только перед этим был принят в общество и в политическом отношении был человеком совершенно неразвитым. Якубович вел себя самым странным образом, вступал в какие-то переговоры с Николаем, и товарищи определенно квалифицировали его поведение как измену. Что касается самого Трубецкого, то он вел себя совершенным предателем и трусом: всё время он прятался по разным казенным учреждениям и побоялся даже близко подойти к месту действия. При таких условиях, на площади царило безначалие. Одно время командование взял на себя даже И. Пущин, хотя он был штатский.

Далее, уже указывалось, что в планы руководителей и не входило начинать самим действия против правительственных войск. Они боялись их озлобить, в случае же пассивного своего поведения надеялись на возможность перехода войск Николая на их сторону. Поведение, конечно, совершенно не революционное, — революция при такой тактике превращалась в простую демонстрацию.

Есть указание и на то, что к восставшим являлись посланные от других полков с просьбой продержаться до вечера, ибо-де тогда их явятся поддержать и те полки, которые не рискнули на это утром.

Но это всё причины все-таки второстепенные. Не в отсутствии диктатора — Трубецкого или других лиц в полков-

ничьем чине было дело: будь сами офицеры-заговорщики настроены иначе, нашлись бы и командиры. Члены Северного Общества проявили недостаток у них революционности. От этого, напр., поручик Панов не занял еще довольно рано утром дворец, хотя имел полную возможность сделать это. От этого и вся их ошибочная тактика. Такие «революционеры», как Батенков или Трубецкой, даже в случае успеха помышляли прежде всего о том, чтобы вывести войска за город: больше всего они боялись нарушения порядка в городе.

Эта малая революционность вполне об'ясняется классовым происхождением декабристов: Они боялись народной революции. А возможность ее была вполне налицо. Вокруг каре бунтовщиков вскоре собрались большие толпы народа. Народом были покрыты Сенатская и Адмиралтейская площади, концы выходящих на них улиц, Исаакиевский мост и набережные по обеим сторонам Невы. «Всё люди большей частью из черни и мастеровых», говорит один наблюдатель. И вот, — принимая во внимание единогласное свидетельство решительно всех очевидцев, — не остается никакого сомнения, что настроение этой толпы было решительно в пользу восставших.

Декабрист Розен говорит, что, хотя солдат вывели на площадь под предлогом верности Константину, но «гренадерам и надежным унтер-офицерам были об'явлены и другие причины, — а в толпе посторонних хорошо знали эти причины». Если и не «хорошо знали», то во всяком случае по инстинкту чувствовали, что бунтовавшие вышли против правительственного гнета и крепостного права. Этого было достаточно.

Свое сочувствие толпа проявляла довольно активно. Французский посол писал: «Всего более поразило меня в наблюдениях за происшествиями дня это — участие, принятое в нем народом». Когда Николай обратился к народу с речью, то в ответ наряду с «ура» слышались и громкие угрозы. Розена на Исаакиевском мосту проходившие рабочие и разночинцы просили продержаться еще, заверяя, что всё пойдет хорошо. Из толпы раздавались насмешки и ругательства по адресу правительства, в свиту Николая летели комья снега, каменья. Рабочие ремонтировавшегося Исаакиевского собора вели себя особенно активно: они метко швыряли поленьями из-за забора в сторонников Николая. Генерал Воинов получил очень основательный удар поленом. Слышались даже требования оружия и крики о том, что с оружием можно

в полчаса весь Петербург вверх ногами перевернуть. Отдельные лица из толпы стали перебегать в ряды солдат. Николай заметил это, и всё учащавшиеся случаи перебегания заставили его торопиться с развязкой.

Вот эта-то толпа «черни» и возможность ее революционного выступления и пугала декабристов. Если бы они попытались найти опору в народной массе и руководить ее действиями, Николай не справился бы с восстанием. Но дворяне-заговорщики чувствовали, что если выступят революционно низы Петербурга, то от этого придется плохо прежде всего дворянству. Поэтому декабристы стремились даже успокаивать волнующуюся толпу и по возможности не давали ей соединяться с войсками. Один из них чрезвычайно верно определяет положение. «Итак, расположение народа было несомненно, и он действительно мог бы оказать значительную помощь восстанию, но боялись, чтобы он не обратился на другое дело, тогда как вообще всячески избегали начинать со стороны восстания какое бы то ни было кровопролитное столкновение».

При этих условиях восстание в Петербурге было заранее обречено на неудачу. Нельзя начинать революцию, больше всего боясь того, что она разрастется. Получилась только демонстрация. Солдаты, выведенные в одних мундирах, продрогли; они прыгали, чтобы согреться, похлопывали в ладоши, посылали на ближайшую гауптвахту за хлебом. В этот день была серая петербургская погода с 8—10 градусами холода. Задул резкий восточный ветер, пошел снег. Стояние всё продолжалось. Ефрейтор Любимов сказал обратившемуся к нему М. Бестужеву: «Я развожу умом, для чего мы стоим на одном месте. Посмотрите — солнце на закате, ноги отерпли от стоянки, руки закоченели от холода, а мы стоим». Этот Любимов, за 3 дня до того женившийся, пал одной из жертв 14 декабря.

Николай тоже видел, что солнце на закате, и торопился покончить дело до темноты. Сначала он попробовал атаку. Два раза атаковала конная гвардия, но атаковавшие действовали неохотно, неподкованные лошади скользили и падали, из толпы раздавались насмешки и летели каменья. Наконец, когда были привезены заряды, Николай решил прибегнуть к артиллерии. В 80 шагах от каре поставили 4 мортиры, заряженные картечью. Корнилович, один из членов общества, подал дельный совет итти на эти пушки и отбить их,

но никто его не послушал. Последнего царского посланца встретили градом ругательств. При команде «пли» ефрейтор не решился стрелять в своих, — пришлось взять пальник офицеру. На первый выстрел, направленный выше цели, из каре ответили ружейным залпом. Затем последовало несколько выстрелов по каре.

Эти картечные залпы очистили площадь. Повстанцы бросились в разные стороны. На льду Невы Мих. Бестужев сделал последнюю попытку собрать бегущих, чтобы с ними попытаться захватить крепость, но пушечный удар проломил лед, собранные Бестужевым солдаты стали тонуть, уцелевшие разбежались. Николай мог торжествовать победу.

Невозможно определить число жертв. Кто считает их десятками, кто — сотнями. Несомненно, что больше погибло простых зрителей, чем участников мятежа.

Какова была во всем этом роль Рылеева, что делал он в продолжение этого сумрачного и холодного петербургского дня, так трагически закончившегося? Уже с 7 часов утра в его квартиру являлись один за другим заговорщики — Трубецкой, заставший его еще в постели, Оболенский, Каховский, Н. Бестужев, А. Бестужев, Штейнгель, Булатов, Репин, Пущин. Он отправляет записку Розену, чтобы тот явился в Московский полк.

Н. Бестужев оставил рассказ о своем утреннем разговоре с Рылеевым. Условившись с Бестужевым относительно того, кто куда едет, он добавил: «Если кто-либо выйдет на площадь, я стану в ряды солдат с сумою через плечо и с ружьем в руках». Он говорил еще, что, может быть, наденет русский кафтан, «чтобы сроднить солдата с поселянином в первом действии их взаимной свободы». Бестужев отговорил его от этой романтически-патриотической затеи. Рылеев заключил беседу словами: «Может быть, мечты наши сбудутся, но нет, вернее, гораздо вернее, что мы погибнем». Трудно ручаться, что память Бестужева верно сохранила все эти речи.

В описании Бестужева сохранилась еще тяжелая сцена расставания Рылеева с женой. То, что он рассказывает, вполне правдоподобно. Приводим это описание с некоторыми сокращениями.

«Жена его выбежала к нам навстречу и, когда я хотел с нею поздороваться, она схватила мою руку и, заливаясь слезами, едва могла выговорить:

«— Оставьте мне моего мужа, не уводите его, — я знаю, что он идет на погибель...

«... Рылеев, подобно мне, старался успокоить ее, что он возвратится скоро, что в намерениях его нет ничего опасного. Она не слушала нас, но в это время дикий, горестный и испытующий взгляд больших черных ее глаз попеременно устремлялся на обоих, — я не мог вынести этого взгляда и смутился. Рылеев приметно был в замешательстве, вдруг она отчаянным голосом вскрикнула:

«— Настенька, проси отца за себя и за меня!

«Маленькая девочка вбежала, рыдая, обняла колени отца, а мать почти без чувств упала к нему на грудь. Рылеев положил ее на диван, вырвался из ее и дочерних об'ятий и убежал».

Отправившись из дому, Рылеев ездил по городу, чтобы узнать настроение войск и положение дел. Он был вместе с Пущиным на сборном месте, но там еще никого не было. С тем же Пущиным он заезжал к Трубецкому, был около казарм Московского полка, у Измайловского полка, в казармах Морского Экипажа. Побывавши еще раз дома, он поехал к лейб-гренадерским казармам, но, узнав по дороге от Корниловича, что Сутгоф уже повел роту, он отправился на площадь. Есть еще известие, что он присылал к М. Пущину Палицына и Коновницына сказать, чтобы он выводил эскадрон. Розен так характеризует все эти действия Рылеева: «Рылеев, как угорелый, бросался во все казармы, ко всем караулам, чтобы набрать больше материальной силы, и возвращался на площадь с пустыми руками».

Явившись вторично на Сенатскую площадь, Рылеев, по его показанию, «увидел там безначалие» и неустройство. О его кратковременном пребывании на площади сведения очень скудны и сбивчивы. Оболенский говорит, что он надел солдатскую суму и перевязь и готовился стать в ряды солдатские. Н. Бестужев вспоминает, что, когда он явился на место с Гвардейским Экипажем, Рылеев «приветствовал его первым целованием свободы» и затем, отведя в сторону, сказал: «Предсказание наше сбывается, последние минуты наши близки, — но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за них жизнь свою». Для обстоятельств места и времени это сказано чересчур уж красиво и литературно, — в свидетельстве Бестужева можно усомниться. Совсем уж невероятно, будто Рылеев говорил на площади

одному лицу: «Посмотрите, что затеяли», а другому: «Видите, я от них отстал».

Что бы ни говорил в действительности на площади Рылеев, — он пробыл там очень недолго и никакой роли там не играл. Расстроенный тем, что он нашел, он отправился разыскивать Трубецкого, чтобы прислать его на площадь, и больше не возвращался. Может быть, он ездил еще куда-нибудь в полки.

В день 14 декабря Рылеев не обнаружил революционного самообладания и твердости. Казалось бы, при той роли, какую он играл в обществе, Рылеев, видя отсутствие Трубецкого и поразившись безначалием, должен был сам взять на себя командование, — он этого не сделал. Соображение о том, что Рылеев был не офицер, не должно было играть решающего значения, — ведь слушались же солдаты штатского И. И. Пущина. В показаниях своих Рылеев пишет о Трубецком: «Князь Трубецкой должен был принять начальство на Сенатской площади. Он не явился, и, по моему мнению, это главная причина всех беспорядков и убийств, которые в сей несчастный день случились...». Рылеев представлял себе революцию отвлеченно-идеалистически, как в книгах: вот соберутся «патриоты», благородные и проникнутые лучшими намерениями, — и перед их твердостью враг сдастся, при чем не будет никаких излишеств, насилия, всё будет стройно и благородно. А вместо того — большая бестолковщина на площади в каре бунтовщиков, известия о раненых, а позже и об убитых генералах, вокруг весьма подозрительная для идеалиста «чернь»... Нервы Рылеева, слишком тонкие и чувствительные, не выдержали этого противоречия между революцией, как она ему грезилась в мечтах, и подлинным обликом революции, при самых первых ее шагах. Очень правильно характеризует поведение Рылеева в день 14 декабря дружный с ним И. И. Пущин: «Рылеев был всегда готов служить тайному обществу и словом и делом, но в решительную минуту он потерялся, конечно, не из опасения за свою жизнь».

Где бродил и что делал Рылеев до вечера, уйдя с площади, — неясно. Определенно известны только два факта, оба говорящие о большой горечи, вызванной у него поведением тех, кто уклонился от участия в восстании. Он заезжал к М. Пущину «об'явить, что всё потеряно, оттого, что я и многие не исполнили принятых на себя обязательств». Да-

лее, он поручал офицеру Оржицкому с'ездить в Киев и сказать там Сергею Муравьеву-Апостолу, что Трубецкой и Якубович изменили. Негодование на Трубецкого показывает, что Рылеев недостаточно умел разбираться в людях: ведь Трубецкой накануне убеждал, что восстание нельзя начинать по неподготовленности, — следовательно, его измену в решительный момент можно было вполне предвидеть.

Вечером Рылеев явился домой пасмурный и печальный. У него собрались несколько человек — Штейнгель, Ив. Пущин, Каховский и др. За чаем они обсуждали события дня. Рылеев, по его собственному показанию, «находился в сильном волнении духа, был занят судьбою своего семейства и беспрестанно уходил в комнату жены». Когда все разошлись, Рылеев предупредил жену, что его могут арестовать, и пошел в свой кабинет. Там он сжег некоторые бумаги и прилег отдохнуть.

Часов около 11 вечера на квартиру Рылеева явился флигель-ад'ютант Дурново с 6-ю солдатами Семеновского полка. Николай дал ему поручение привезти «живым или мертвым» поэта Рылеева, добавляя, что он отвечает головой за точность исполнения. Рылеев беспрекословно повиновался Дурново и, наскоро одевшись, попрощался с домашними и отправился. Его привезли прямо во дворец. Уже в 11½ часов вечера Николай пишет Константину: «В это мгновение ко мне привели Рылеева. Это — поимка из наиболее важных». Первый допрос снимал ген. Толь. Арестованных вводили под сильным караулом, со связанными за спину руками. Рылеева допрашивали третьим (после Щепина-Ростовского и Суттофа). Допрос был очень краток, — уже в 12 часов Рылеев был привезен в Петропавловскую крепость и был заключен в Алексеевский равелин, в камеру № 17. Изо всех декабристов он был первым доставлен в Петропавловку.

Глава девятая

Тюрьма, суд и казнь

Отправляя Рылеева в крепость с флигель-ад'ютантом Дурново, Николай через последнего отдал приказ коменданту крепости озаботиться приготовлением возможно большего числа камер. Эти камеры стали быстро наполняться. По го-

роду производились сотни арестов. В обществе распространилось настроение подлого панического страха. Иные «верноподданные» доходили до того, что сами привозили во дворец своих сыновей и родственников, не дожидаясь, пока их арестуют. Так, Д. С. Ланской не дал даже кн. Одоевскому, племяннику своей жены, отдохнуть и закусить и немедленно сам отвел его по начальству. Даже во дворце удивились, когда ген. Депрерадович привел собственного сына. «Как Брут, он предает его всей строгости закона», записал в своем дневнике флигель-ад'ютант Дурново. Кстати сказать, совершенно вразрез с этими рабскими настроениями идет поведение капитана Измайловского полка Богдановича: в первую же ночь он, по словам Розена, зарезался бритвой, не будучи в состоянии простить себе, что не принял участия в восстании.

Скоро к тем, которые были арестованы в Петербурге, стали прибавляться и члены Южного Общества. Уже 13 декабря на юге был арестован по доносу Пестель. Южане поняли, что над ними собирается гроза, и стали думать о восстании. Когда стало известно о петербургской попытке, то в конце декабря поднялось вооруженное восстание в Черниговском полку. Очень активно проявили себя в нем члены Общества Соединенных Славян. 2 января 1826 г. произошла развязка. Восставшие несколько рот, численностью около 1.000 человек, имея во главе Сергея Муравьева-Апостола, встретились с отрядом ген. Гейсмара. Это было возле села Полог, в 12 верстах от Белой Церкви. Муравьев-Апостол, увидя врагов, построил своих солдат в каре, но, вместо того, чтобы выжидать, подобно северянам, он прямо пошел на орудия. Не выдержав картечного огня, восставшие разбежались. Поручик Щепилло был убит, раненый Ипполит Муравьев-Апостол тут же на поле битвы застрелился, Кузьмин застрелился позже на ночевке, будучи взят в плен.

Началось следствие над всей массой арестованных. В конце концов, суду были преданы 61 член Северного Общества, 37 — Южного и 23 — Соединенных Славян. Но привлечено к дознанию и арестовано было гораздо больше. Следствие вела особо организованная Следственная Комиссия под председательством военного министра Татищева и под ближайшим руководством Николая, входившего во всё самым тщательным образом. Новый самодержец проявил хорошие способности провокатора и сумел провести многих из подсудимых, ловко надевая на себя ту или иную маску.

Знакомство с дознанием по делу декабристов производит очень грустное впечатление. Громадное большинство из них вело себя совсем малодушно. Нечего и говорить о таких, как Трубецкой, — тот просто валялся в ногах у Николая, вымаливая себе жизнь. Но и другие выражали полное раскаяние в своих «преступлениях», выкладывали все дела свои и даже тайные помышления и выдавали, выдавали друг друга без конца. Вина многих не могла бы быть доказана следователями, если бы не болтовня и оговоры товарищей. Исключения очень редки. Из северян большую сдержанность в показаниях проявили Якушкин и Лунин. С большим мужеством и достоинством отвечали некоторые скромные члены Общества Соединенных Славян — как Борисов 1-й, Андреевич 2-й. Сравнительно с декабристами гораздо мужественнее держались члены польских тайных обществ при дознании в 1826 и 1827 годах. Здесь сказались и бо̀льшая конспиративная опытность, и бо̀льшая заговорщицкая закалка поляков.

Следственная Комиссия и царь Николай делали со своей стороны всё, чтобы добиться как можно более полных показаний. Подлоги и обманы, обещание прощения, угрозы и застращивания, даже пугание пыткою, — всё было пущено в ход. Если не пыткой в узком смысле слова, то чем-то близким к этому были такие средства, применявшиеся к более непокорным, как наложение ручных цепей, сажание на хлеб и на воду, помещение в темные казематы.

Но вся сумма подлых приемов со стороны правительства не об'ясняет удивительной откровенности декабристов. Не об'ясняет дела и животный страх смерти, — он имел силу только относительно некоторых. Главное об'яснение поведения декабристов на следствии лежит в глубинах их классовой психологии. Давала себя чувствовать та естественная связь дворянства с самодержавием, о которой сказано выше. Вчерашние революционеры начинали искренно каяться, что они дерзнули пойти против священной особы государя. Очень характерен в этом отношении полк. Булатов. Этот мало развитой человек очень быстро усвоил идею революционного выступления во имя блага отечества. Как человек решительный, он был готов принять на себя командование, помышлял даже и о цареубийстве. Но в тюрьме его положительно замучила совесть за эти прегрешения, он искренно и многословно каялся в них—и, в конце концов, разбил себе голову о стену.

Затем, у многих декабристов проявлялось чисто дворянское представление о «благородстве» поведения. На этом благородстве их и ловили. С некоторыми Николай находил нужным обращаться «по-джентльменски»: разговаривал в приличном тоне, оказывал помощь их семьям. Они размякали: если со мной обращаются благородно, то и я должен поступать так, как этого хотят, — и откровенности следовали в большом количестве. Перед некоторыми декабристами Николай надевал маску царя-реформатора, «первого гражданина», который больше всех болеет о язвах родины. Такую роль, напр., играл Николай перед Каховским. Последний писал по этому случаю Николаю: «Увлеченный чувствами, я сделал открытие о тайном обществе, не соображаясь с рассудком, но по движению сердца, к вам благодарного; и, может, то сказал, чего бы не открыли другие члены общества». «Увлеченность чувствами», восторженное прекраснодушие были большой бедой декабристов, этих детей эпохи дворянского сентиментализма.

Следует добавить, что у некоторых декабристов, на-ряду с предательством относительно товарищей, откровенность проявлялась и в иной, гораздо более привлекательной форме: выясняя причины своих противоправительственных настроений, они давали разностороннюю критику существующего общественного строя. Критика эта подчас бывала сильна и основательна. По всей вероятности, декабристы надеялись таким путем навести царя на путь реформ.

Рылеев уже при первом допросе его генералом Толем во дворце сделал прямо ужасающее показание. Он заявил: «Опыт показал, что мы мечтали, полагаясь на таких людей, каков кн. Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затеяли чего-нибудь подобного на юге, я долгом совести и честного гражданина почитаю об'явить, что около Киева в полках существует общество». Рылеев не знал тогда, что Пестель уже арестован и дни Южного Общества сочтены, и он выдавал южан с головою. Нужно было быть совсем уже во власти горького разочарования, чтобы дойти до этого. О самих выдаваемых он рассуждал, вероятно, так: за одну принадлежность к тайному обществу их накажут менее строго, чем за попытку вооруженного восстания, — значит, надо предупредить это восстание, которое их окончательно сгубит. Совершенно так же рассуждал и Каховский. Он просил себе несколько часов свободы, чтобы через слугу Рылеева узнать,

кто отправлен на юг. Дальнейшее кровопролитие в случае какой-нибудь попытки на юге казалось ему таким ужасным и бесполезным, что он готов был на всё для его предупреждения.

По окончании своего первого допроса ген. Толь стал философствовать на тему, что молодежь задумала вздор и что революции всегда затеваются из личных расчетов. На что он весьма холодно отвечал: «невзирая на то, что вам всех виновных выдал, я вам скажу, что я для счастья России полагаю конституционное правление самым выгоднейшим и остаюсь при сем мнении». Это было у Рылеева последнее проявление твердости в отстаивании прежних взглядов.

В дальнейшем он прямо говорит о раскаянии в своем преступлении и об отречении от прежнего образа мыслей. Показания он дает очень полные и откровенные, нисколько не выделяющиеся в выгодную сторону от большинства других показаний. Всю жизнь он с увлечением рисовал в своей поэзии образ идеального мученика за свободу, твердого до конца в своих убеждениях, — и в жизни отступил от этого идеала.

Но не желание спасти свою голову ценой откровенности руководило Рылеевым,—этот упрек от него нужно отвести вполне. Не смерти он боялся и не стремился к тому, чтобы выгородить себя, топя других. Наоборот, он даже несколько преувеличивает свою роль, говоря, что он всем руководил и мог бы остановить восстание. Он признает себя главнейшим виновником событий 14 декабря и говорит, что служил для других примером. «Если нужна казнь для блага России, то я один ее заслуживаю и давно молю создателя, чтобы всё кончилось на мне и все другие были возвращены их семействам, отечеству и доброму государю его великодушием и милосердием». Рылееву нужно было прежде всего примириться со своей совестью за его восстание против власти царя. При свойственной ему всегда способности увлекаться и видеть людей в идеальном свете, он представлял себе палача-Николая кротким и милосердным монархом и мечтал, что этот бурбон может поступить с мятежниками как великодушный отец. Помощь, оказанная царем его семье, много способствовала этому неверному пониманию его Рылеевым.

О душевном состоянии Рылеева во время заключения в крепости дают представление его письма к жене. Он пережил полный душевный перелом. «Пробыв три месяца один с собою, — пишет он 13 марта 1826 года, — я рассмотрел

всю жизнь свою — и ясно увидел, что я во многом заблуждался. Раскаиваюсь и благодарю всевышнего, что он открыл мне глаза...». Письма проникнуты чувством покорности судьбе («воле бога») и переполнены религиозными настроениями. Он просит жену прислать ему книгу «О подражании Христу», находит большую отраду в ее чтении, советует постоянно жене молиться, сам пишет о своей молитве. По свойственной ли ему доверчивости к людям, или же только для успокоения жены он не раз выражает надежду на милосердие Николая. Вообще, от революционных настроений ничего не осталось.

Весьма сильное впечатление на чувствительного Рылеева произвели в крепости «милости», оказанные его семье. Дело в том, что Николай велел выдать Наталье Михайловне 2.000 руб., а через несколько дней, как раз в именины дочки Настеньки, ей была прислана еще 1.000 руб., — от имени царицы. Когда жена известила об этом Рылеева, он писал: «Я мог заблуждаться, могу и вперед, но быть неблагодарным не могу. Милости, оказанные нам государем и императрицею, глубоко врезались в сердце мое». Кстати сказать, эти присылки от царя были не единственной денежной помощью, полученной женой Рылеева. В ее архиве сохранилась такая записка: «Просим покорнейше принять прилагаемые 2.000 р. и не подосадовать на усердие людей, принимавших душевное участие в вашем положении. Надеются ежегодно доставлять подобную же сумму».

Та религиозность, которою насыщены письма Рылеева из крепости, представляет единственный мотив и его немногочисленных литературных произведений этой поры. Он набрасывает для себя целое рассуждение мистически-христианского характера. В этом же роде и его стихотворения, созданные в Алексеевском равелине. Приводим одно из них, — он прислал его Евг. Оболенскому летом 1826 года, наколов слова на кленовых листьях.

Мне тошно здесь, как на чужбине!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто даст криле мне голубине,
Да полечу и почию?
Весь мир, как смрадная могила!
Душа из тела рвется вон.
Творец! Ты мне прибежище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стон.
Приникни на мое моленье,

Вонми смирению души,
Пошли друзьям моим спасенье,
А мне даруй грехов прощенье
И дух от тела разреши.

Стихотворения крепостной поры показывают упадок таланта Рылеева, что понятно при общей подавленности его духа. Если текст приведенного стихотворения верно передан Оболенским, то здесь Рылеев совершает даже ошибки в основных правилах стихотворной техники.

По поводу религиозности, проявившейся так сильно у Рылеева во время заточения, следует сказать следующее. До заточения мы не видим у него никакой особенной религиозности. Ни письма его, ни литературные произведения не говорят ни о чем подобном. По свидетельству Д. Завалишина, Рылеев в одной беседе с ним сказал, что он мало размышлял о религиозных вопросах, хотя и думает, что есть «что-то такое». Видно, что ему просто «не до того» в вопросах религии. Напомним, что влияние поэзии Жуковского на русскую литературу он считал вредным именно за ее мистицизм. Религиозность последних месяцев — это просто последствие обрушившегося на Рылеева удара. Приведенное стихотворение — крик исстрадавшейся души. К «небесному» Рылеев устремился потому, что страшно устал от страданий. Подобное явление мы видим и у других декабристов. У Батенкова, напр., религиозное настроение «возымело полное действие уже в мужеский возраст, когда житейское бедствие обрушилось надо мной». Очень яркий религиозный вольнодумец и материалист, Николай Крюков (из Южного Общества), подавленный заключением в крепости, вернулся «к поверьям детства». «Здесь только я увидел мое заблуждение. Здесь только усмотрел вред безверия. Здесь, наконец, вникнув с должным вниманием в святое евангелие и послания святых апостолов, я обратился к христианству».

Естественно, что в положении Рылеева его очень заботило положение его семьи, ее материальная неустроенность, душевное состояние жены и пр. Но на-ряду с этим мы видим еще одну заботу, не оставляющую его всё время, это — забота о судьбе товарищей. Он мучился за них сильнейшим образом тем более, что винил себя в их судьбе.

Свое первое показание Толю в ночь с 14 на 15 декабря Рылеев закончил словами: «Открыв откровенно и решительно, что мне известно, я прошу одной милости — по-

щадить молодых людей, вовлеченных в общество, и вспомнить, что дух времени такая сила, пред которою они не в состоянии были устоять». В приведенном стихотворении к Оболенскому поэт просит себе избавления от жизни, а друзьям— спасения. В письме к жене от 13 марта он пишет: «Молись богу не за одного меня, но за всех, кто пострадал вместе со мною». Особенно сильно эта мучительная дума о товарищах выразилась в оставшемся черновике письма Рылеева к царю (от конца июня) [1]). Здесь Рылеев «чистосердечно и торжественно» отрекается от своих «заблуждений и политических правил». Но вместе с тем Рылеев умоляет царя быть милосердным к его товарищам, — из-за этого и было задумано письмо. «Я виновнее их всех; я, с самого вступления моего в Думу Северного Общества, упрекал их в недеятельности; я преступною ревностию своею был для них самым гибельным примером; словом, я погубил их; через меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбе своей ко мне и по благородству, не скажут сего, но собственная совесть меня в том уверяет. Прошу тебя, государь, прости их... Казни меня одного: я благословляю десницу, меня карающую, и твое милосердие...». Рылеев не вынес суровой атмосферы революции, он пал духом и отрекся от своего прошлого, но трусости за свою личную судьбу и шкурничества в нем не было, — об этом убедительно говорят только что приведенные строки.

Что составляло содержание жизни Рылеева в крепости? Писанье ответов на вопросные пункты Следственной Комиссии, чтение религиозных книг, переписка с женою, тягостные размышления о своей судьбе. Были и кое-какие сношения с товарищами. Мих. и Ник. Бестужевы, сидевшие в 14 и 15 номерах, придумали азбуку для перестукиванья в стену с соседями. Но между ними и Рылеевым сидел в 16 номере князь Одоевский. По своему нетерпеливому характеру, он никак не мог усвоить азбуки, и попытки Н. Бестужева войти таким образом в сношения с Рылеевым остались тщетными. Приходилось сноситься только через старого ефрейтора-сторожа— словесно и случайно. Только в конце заключения можно было передавать и записки. Единственный раз Н. Бестужев увидел

[1]) В подлинности этого письма существуют некоторые сомнения. Но содержание письма вполне соответствует тому, что говорил Рылеев и на допросах.

лично Рылеева в коридоре; они успели только броситься друг другу на шею и расцеловаться. Сносился Рылеев и с другими. Оболенскому он переслал два написанных им стихотворения, и, кроме того, они обменялись письмами. Посылал он записку и Трубецкому, обнадеживая его, что всё кончится хорошо. Наконец, он послал общую записку товарищам уже незадолго до окончательного приговора, уверяя их, что наказания будут смягчены царем и смертных казней не будет.

Событием в крепостной жизни Рылеева было единственное свидание его с женой. Оно было дано уже летом, после усиленных хлопот Рылеевой. Извещение Рылеевой о разрешении свидания было написано комендантом 9 июня. Наталья Михайловна привезла с собой и маленькую дочку. Свидание продолжалось около ¾ часа. Оба супруга были потрясены до глубины души.

В письмах своих Наталья Михайловна выражала твердое намерение не расставаться с мужем ни при каких обстоятельствах. Она подразумевала здесь, конечно, ссылку, не употребляя этого слова. Если бы Рылеев был, действительно, сослан, а не казнен, — Наталья Михайловна была бы, без сомнения, в числе тех жен декабристов, которые последовали за своими мужьями в Сибирь.

Рылеева, как одного из главных обвиняемых, часто водили на допросы и на очные ставки с разными товарищами. В последний раз он был подвергнут допросу 17 мая. Заседания Следственной Комиссии происходили в квартире коменданта крепости Сукина. Членов Северного Общества допрашивал главным образом ген. Левашов. Декабристов приводили в заседания Комиссии с завязанным глазами.

По окончании Комиссией всех допросов приступил к работе особый, специально для этой цели организованный Верховный Уголовный Суд под председательством кн. Лопухина. В него входило около 70 человек, — члены Государственного Совета, сенаторы, архиереи из синода и особо откомандированные генералы.

Суд начал свои занятия 3 июня. Прежде всего он «изучил» сделанные подсудимыми показания, а потом вынес постановление, что все без исключения подсудимые подлежат смертной казни. Это значило слишком переусердствовать, и, конечно, подобное решение носило только характер верноподданнической манифестации. Суду было предписано Николаем выделить комиссию из 9 человек для разделения

подсудимых на категории по степени их вины. В эту комиссию вошел и Сперанский, — тот самый Сперанский, которого декабристы думали ввести в состав временного правительства.

Суд происходил так, что многие из декабристов и не догадывались, что их уже судят: каждого из подсудимых особая комиссия вызывала только один раз исключительно для того, чтобы удостоверить подлинность его показаний Следственной Комиссии. После этого их уже сразу призвали для выслушания приговора.

Комиссия по распределению подсудимых по разрядам окончила свое дело ко второй половине июня. Всех разрядов было установлено 11, и 5 человек по особой тяжести их вины были поставлены вне разрядов. Это были: Пестель, Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский. О них говорится в докладе суда: «Превосходя других во всех злых умыслах силою примера, неукротимостью злобы, свирепым упорством и, наконец, хладнокровной готовностью к кровопролитию, они стоят вне всякого сравнения». При определении наказаний каждому разряду суд постановил — первую группу, стоявшую вне разрядов, подвергнуть смертной казни четвертованием. Первый разряд в 31 человек приговаривался к отсечению головы, второй — к вечным каторжным работам и т. д. Приговор был представлен на утверждение царя. Николай понизил наказание почти всем. Приговор был так варварски жесток, что самодержцу была предоставлена полная возможность проявить свое «милосердие». Что касается до наиболее виновных пяти человек, то Николай предоставил определить окончательную форму их наказания самому суду. Суд, принимая во внимание понижение кар для всех разрядов, заменил четвертование повешением. Заключительное заседание суда, на котором так определилась участь пяти, происходило 11 июля.

В общей «Росписи государственным преступникам» Рылеев стоит на втором месте, следом за Пестелем. Вины его выражены так: «Умышлял на цареубийство; назначал к совершению оного лица, умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии и приуготовлял к тому средства; усилил деятельность Северного Общества, управлял оным, приуготовлял способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинить манифест о разрушении

правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов; приуготовлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных; возбуждал к мятежу нижних чинов через их начальников посредством разных обольщений и во время мятежа сам приходил на площадь».

12 июля происходило об'явление приговора. В зале комендантского дома приготовили подходящую торжественную обстановку—поставили большой стол, покрытый красным сукном, а перед ним «зерцало» и аналой. Члены суда собрались в полной парадной форме, во всех регалиях. Осужденных вводили по категориям, и обер-прокурор сената читал каждому перечисление его вин и постановленное наказание.

Рылеева и прочих четырех, приговоренных к смерти, по выслушании приговора отвели не в Алексеевский равелин, а в другую часть Петропавловской крепости — в Кронверкскую куртину. Рылеева посадили в 14 номер. Казнь должна была произойти в ту же ночь.

Последнюю ночь в каземате Рылеев провел в том, что писал письмо своей жене, молился. Из письма Рылеева видно, что Рылеев отказался от мысли просить последнего свидания с женой, не желая совершенно лишить душевного равновесия и себя и ее.

О последних минутах перед отправлением Рылеева на казнь декабрист Розен слыхал от фейерверкера Соколова. Перед рассветом вошел в его камеру плац-майор со стражей и кандалами и об'явил, что через полчаса нужно итти. Соколов был поражен его спокойным видом и голосом. «Он сел дописывать письмо, просил, чтобы между тем надевали железы на ноги. Он с'ел кусочек булки, запил водою, благословил тюремщика, благословил во все стороны соотчичей, и друга, и недруга, и сказал: «Я готов итти...».

Предсмертное письмо Рылеева полно чувства покорности судьбе. Жене он дает ряд советов и указаний относительно ее будущего устройства. Письмо это после смерти Рылеева в громадном количестве списков распространялось по всей России.

Один из заключенных, Оболенский, рассказывает: «Я не спал, нам велено было одеваться, я слышал шаги, слышал шопот, но не понимал их значения. Прошло несколько времени, — слышу звук цепей. Дверь отворилась на противо-

положной стороне коридора: цепи тяжко зазвенели. Слышу протяжный голос друга неизменного, Кондратия Федоровича Рылеева: «Простите, простите, братья!» — и мерные шаги удалились к концу коридора».

В ту же ночь с 12 на 13 июля над всеми остальными приговоренными совершали обряд разжалования. Их вывели позже пяти осужденных, но разжалование было произведено раньше казни. Всё это время осужденные ожидали в стороне.

Устройство виселицы замедлилось, потому что одна из телег, на которых везли части виселицы, где-то пропала. Таким образом казнь произошла уже около пяти часов утра. Местом казни был пустырь за крепостным валом. По раннему времени народу собралось немного — всего человек 150. При казни был назначен присутствовать Павловский гвардейский полк. Его оркестр играл всё время, как на празднике.

Осужденных предварительно провели вдоль рядов войска. Они были в кандалах, на груди висели доски с надписью: «Злодеи, цареубийцы». Перед самой казнью на головы всем надели мешки.

Из сохранившихся рассказов очевидцев видно, что осужденные были спокойны. Кажется, больше других был взволнован Бестужев-Рюмин — самый молодой из всех. Перед концом они поцеловались друг с другом и обменялись рукопожатием, хотя и со связанными руками.

Поведение Рылеева было исполнено мужества и покорности судьбе. Когда священник Мысловский подошел к нему с последним увещанием, он взял его руку и приложил к своему сердцу, сказавши: «Слышишь, отец, оно не бьется сильнее обыкновенного».

Когда пять жертв были повешены, то произошел ужасный случай: по неумелости палачей, трое из повешенных, а именно Рылеев, Каховский и Муравьев-Апостол, оборвались и упали в отверстие помоста. При этом они расшиблись, — у Рылеева колпак с головы слез, и видна была кровь за ухом. Рылееву приписывают при этом произнесение нескольких слов, — самых разнообразных, в передаче разных лиц. Надо полагать, все эти передачи надо отнести к области фантазии. Говорил ли вообще что-нибудь Рылеев и что именно говорил — установить никак нельзя. Во всяком случае, к его предсмертному настроению совсем не подходят резкие слова, которые приписывают ему иногда. Более правдоподобны, пожалуй, такие слова, как «Нам во всём неудача» или «Какое несчастие!».

По распоряжению обер-полицеймейстера Кутузова трое несчастных были опять повешены, при чем еще пришлось сначала раздобывать новые веревки. Наконец, всё было окончено. Снятые трупы временно поместили в каком-то сарае или погребе. Ночью их отвезли и похоронили. Местом погребения казненных декабристов чаще всего называют о. Голодай — там было тогда кладбище для животных.

Интересны отзывы Николая о своих жертвах. 13 июля он писал матери: «Пишу на скорую руку — два слова, милая матушка, желая вам сообщить, что всё совершилось тихо и в порядке, гнусные и вели себя гнусно, без всякого достоинства». В другом письме от того же числа читаем: «Подробности казни (он подразумевает здесь и собственно казнь, и обряд разжалования. — *М. К.*), как она ни ужасна, убедили всех, что одураченные люди заслужили эту кару; почти никто из них не раскаялся; зато пять казненных проявили большое чувство раскаяния и особенно Каховский, который, идя на смерть, сказал, что молится за меня. Его единственного я и жалею».

Очень долго в литературе о Рылееве поддерживалась легенда, будто Николай уже после казни декабристов узнал, что Рылеев был талантливый поэт, и заявил, что, знай он это раньше, он не казнил бы Рылеева, так как Россия не богата талантами. Нелепость этой легенды, проникнутой желанием обелить царя, очевидна сама по себе: не такой человек был Николай, чтобы расчувствоваться из-за того, что его политический враг — писатель. И к русской литературе этот солдат был совершенно равнодушен. Документально же эта выдумка опровергается тем, что в письме, написанном после ареста Рылеева, Николай говорит: «Показания Рылеева, здешнего писателя...» и т. д. Палач хорошо знал, кого вешал.

Первая попытка революционного выступления в России в XIX веке была сделана дворянами. По самому классовому положению дворянства эта попытка не могла не быть половинчатой. В особенности нерешительным выступление декабристов было в Петербурге. И все-таки это было первое открытое выступление против самодержавия, и оно нашло известный отклик в народных низах столицы. В этом его историческое значение. О декабристах сложилась и долго

поддерживалась либеральная легенда, в которой они изображались решительными и твердыми до конца деятелями. Теперь эта легенда разбита. Но и самая легенда имела свое, и немалое, значение, поддерживая дух протеста в следующих поколениях дворянской и разночинной интеллигенции. Мы знаем теперь без всяких прикрас, каковы были деятели декабрьского движения. Несмотря на все слабости и ошибки, лучшие из них заслуживают памяти. В Северном Обществе лучшим по своим личным свойствам был Кондратий Рылеев. Поэт и восторженный мечтатель, типичный представитель дворянского интеллигентского сентиментализма своего времени, он растерялся в момент революции и пал духом после ареста. Но во всё время своей активной деятельности он был твердо убежден, что «все-таки надо начать», умел внушить это убеждение другим и был готов на пожертвование собою для дела борьбы с царским деспотизмом. Он памятовал, что «из искры возгорится пламя», и выступление 14 декабря рассматривал именно как такую искру.

ВАЖНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание сочинений К. Ф. Рылеева. «Библиотека декабристов» 1906 г., выпуск 1-й 2 тома.

2. Следственное дело о декабристах—допрос Рылеева (печатается).

3. Нестор Котляревский. Рылеев. Изд. «Светоч», 1908.

4. Н. Бестужев. Кондратий Федорович Рылеев. М. 1910. Изд. «Альциона».

5. Е. Оболенский. Воспоминания о К. Ф. Рылееве («Девятнадцатый век» Бартенева; перепечатано в указанном собрании сочинений Рылеева).

6. В. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. «Киевские Университетские Известия» 1912 и 1916 г.г. (и отдельно).

7. М. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в. М. 1924.

8. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. 1909.

9. Сиротинин. К. Ф. Рылеев. «Русский Архив», 1890, 6.

10. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов. М. 1907.

11. Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов. М. 1906.

12. М. Покровский и К. Левин. Декабристы. В I томе «Истории России XIX века», изд. Гранат.

13. А. Е. Розен. Записки декабриста. 1907, изд. «Общественная Польза».

ОГЛАВЛЕНИЕ

13792

60 коп.

